

ВИТАЛИЙ ГАДИЯТОВ

ТРОПОЙ НЕВЕДОМОЙ СИЛЫ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Виталий Гадиятов

Тропой неведомой силы

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)

Гадиятов В. Г.

Тропой неведомой силы / В. Г. Гадиятов — «ВЕЧЕ»,
2025 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-5380-9

На одном из якутских месторождений работает уникальный геолог, который улавливает некие таинственные сигналы, испускаемые кристаллами горного хрусталя. Для встречи с ним отправляется аспирант университета Борис Кузьмин. Он организует экспедицию в тайгу с целью поиска коллекционных минералов и артефактов, спрятанных в заброшенном поселке горняков. Исследователей ждут необыкновенные приключения, уникальные открытия и щедрые подарки судьбы, а также загадочные встречи, способные пролить свет на возможность кремниевой жизни.

УДК 821.161.1-311.3

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5380-9

© Гадиятов В. Г., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Часть I	6
Совещание самоцветчиков	6
Сплав по горной реке	11
Серьезный разговор	14
Первое испытание	19
Непредвиденная встреча	22
Камрад Ганс	26
Истоки	30
Метеостанция	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виталий Галияскарович Гадиятов

Тропой неведомой силы

© Гадиятов В.Г., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», 2025

Часть I

Экспедиция на север

*На Севера, на Севера
Нас гонят тысячи причин,
И так же нынче, как вчера
Вагоны ломит от мужщин.
Кто на монтаж, кто на кураж,
Кому пригрезился мираж,
Кто злой судьбы удар
Наносит наотмашь.*

Сергей Боханцев

Совещание самоцветчиков

Совещание по попутным поискам самоцветов началось ровно в десять, как и было заявлено регламентом. Открыл его начальник управления твердых полезных ископаемых Валерий Павлович Пискунов. поприветствовав участников и поздравив с началом совещания, он доложил об основных направлениях работы управления и достигнутых в прошлом году результатах. После этого он остановился на проблеме попутных поисков месторождений самоцветов и горного хрусталя при проведении геологоразведочных работ. Сказав, что благодаря методическим указаниям по поискам и перспективной оценке месторождений цветных камней, разработанным головным объединением «Кварцсамоцветы», геологами их управления были открыты новые самоцветы и среди них ювелирные гранаты, хризолиты, технические корунды и даже турмалины, он многозначительно посмотрел на главного геолога специализированной экспедиции. Этим он словно упрекнул того за то, что нашли их не специалисты, которым по долгу службы положено этим заниматься, а геологи-съемщики, составлявшие геологические карты. Закончив вступительную речь, он передал слово директору геологического музея Ивану Леонидовичу Коробкову, представлявшему принимающую сторону.

На трибуну поднялся невысокого роста, круглолицый молодой человек. Был он широким в кости, крупная голова с покатым лбом сидела на короткой шее, из-за чего он казался еще ниже ростом. Природа будто подшутила над ним, создав его таким, что он походил на персонаж известной детской сказки «Колобок». Поменяй всего одну букву в его фамилии, и была бы она созвучна сказочному герою.

До недавнего времени главным хранителем музея числился старший геолог Волченко. Именно ему объединение было обьязано созданием уникального хранилища экспонатов, добытых из земных недр Якутии. Но в жизни ничего не бывает вечным, не засиделся на этом месте и Владимир Иванович. Как только подошел пенсионный возраст, его попросили, и он перешел в камнерезную мастерскую, а его место занял Коробков, пришедший из районной экспедиции. Ходили слухи, что попал он сюда по великому благу, по протекции своего тестя. Тем не менее Иван Леонидович быстро вписался в коллектив объединения, и геологический музей преобразовал в самостоятельное предприятие со своим расчетным счетом.

Коробков рассказал о геологическом музее, который был гордостью крупного объединения, ведавшего недрами огромного региона. В нем было представлено бесчисленное количество минералов и горных пород практически со всех месторождений полезных ископаемых.

В колбах и пробирках содержалась нефть из первых нефтегазоконденсатных месторождений Вилюйской синеклизы. В той же западной части региона были открыты первые алмазы, поэтому в стеклянных витринах, собранных в виде невысоких кубов, стоявших на тумбочках, были выставлены кимберлиты из крупнейших алмазоносных месторождений – трубок Удачная, Мир, Айхал и самой первой трубки Зарница, открытой в 1954 году ленинградским геологом Ларисой Попугаевой. В витринах лежали образцы кимберлитов и из других месторождений, но самих алмазов, для которых правилами предписывались особые условия хранения, не было. Только в одной витрине среди кимберлитовой брекчии¹ затерялся муляж самого крупного алмаза страны – «26 съезд КПСС», сделанного из прозрачного горного хрусталя.

Но больше всего в экспозиции музея было рудных образцов. И немудрено. На территории Якутии в разные годы были открыты крупные и даже уникальные месторождения оловянных руд: касситерита, золота, серебра, полиметаллов, железа, редких металлов и даже урана. И, конечно, отдельное место составляли образцы каменного и бурого угля из месторождений южной и центральной Якутии, а также Заполярья. Одну стену занимали вертикальные стеклянные витрины с минералами, разложенными по всем правилам систематики, приведенной в учебниках по минералогии. Поэтому тут чаще всего задерживались студенты-геологи из местного университета, приходившие на экскурсию.

В конце своего выступления Коробков поблагодарил геологов экспедиции «Самоцветы Севера» за то, что те нашли время и приехали на эту встречу. Будто принимая от него эстафету, на трибуну вышел главный геолог этой экспедиции Георгий Александрович Пашков. По его виду можно было подумать, что это дипломат или артист, но только не геолог. Темный костюм в полоску и белая рубашка с ярким полосатым галстуком выделяли его среди присутствующих. Был он высокого роста, темноволосым с аккуратным пробором на голове и живыми голубыми глазами. Словом, соответствовал типу мужчины, которые нравятся женщинам. Пашков рассказал о разных цветных камнях, обязанных своими редкими свойствами условиям образования. Он привел примеры каких-то зарубежных месторождений, о которых никто из присутствовавших даже не слышал. Говоря о рубинах, Пашков сказал, что, по данным работ, проведенных его сотрудниками, есть предпосылки открытия таких месторождений на территории деятельности их экспедиции. Говорил он спокойно и уверенно, как о самом простом, известном каждому. Потом Пашков остановился на создании сырьевой базы цветных камней и подошел к проблеме их поисков, тому, ради чего собрались геологи.

– В конце 1960-х годов начался планомерный, целенаправленный поиск цветных камней, который в ходе так называемых «попутных поисков» решался силами геологов разных производственных и научных организаций Якутии, Москвы, Ленинграда и других. Специализированные работы проводили геологи нашей экспедиции. К этому времени была создана ювелирная промышленность страны, которая нуждалась в самых разных драгоценных камнях. Поиски самоцветов мы начали с ревизии открытых объектов. Геолог Соболев составил первую сводку по самоцветному сырью с рекомендациями по их проверке. Геологоразведочные работы экспедиция проводила на огромных площадях Восточной Сибири, включая Чукотку, Камчатку и Сахалин. За короткий промежуток времени были открыты и изучены десятки проявлений цветных камней, но самым большим успехом стало открытие и промышленная оценка месторождений ювелирного сибирского изумруда и ювелирно-поделочного чароита. Однако основная задача нашей экспедиции – это геологоразведочные работы, связанные с поисками и разработкой месторождений горного хрусталя. Об этом вам доложит старший геолог ревизионной партии нашей экспедиции Николай Петрович Кравцов.

– На поисках месторождений алмазов я останавливаться не буду, – начал тот с места в карьер. – Это, как вы, наверное, знаете, ипостась другого ведомства, которое к этой про-

¹ Брекчия – горная порода, сложенная из угловатых обломков.

блеме нас не подпускает даже на пушечный выстрел. Хотя алмазы – те же драгоценные камни, только имеющие более высокую цену. Но мы люди негордые: как-нибудь переживем. Откровенно говоря, нам и без алмазов дел хватает.

На мгновенье он замолчал, отложил толстую тетрадь в сторону и полистал бумаги, лежавшие под ней. Стало слышно, как шелестят страницы, а он недовольно бубнит себе под нос. При виде этой сцены можно было подумать, что он собирался докладывать о чем-то другом, но в последний момент передумал и теперь ищет нужный листок. Кто-то из присутствующих хихикнул, но на него никто не обратил внимания, все молча ждали выступления геолога. Сидевший в первом ряду Борис Кузьмин, откинувшись на спинку стула, приготовился записывать. Был он среднего роста, спортивного телосложения. Высокий лоб выдавал в нем неглупого человека с широким интеллектом. Своими карими глазами он открыто смотрел на мир и умел восхищаться красотой и гармонией. Этого совещания он долго ждал и надеялся пополнить свои знания по поискам самоцветов, а заодно пообщаться со специалистами.

– Сейчас я расскажу об истории открытия месторождений горного хрусталя в Южной Якутии, – наконец, найдя нужное, сказал докладчик. – В то время это было стратегическое сырье, которого не хватало стране и его приходилось закупать в Бразилии. Я думаю, вы сами хорошо знаете, зачем он нужен, но все равно я напомним.

Он полистал тетрадь и четко, поставленным голосом, как профессор читает студентам лекции, начал:

– Важнейшее свойство кристаллов горного хрусталя – пьезоэффект. Пьезоэффект был открыт в 1880 году французскими учеными, братьями Пьером и Полем Кюри, на кварце. Применить открытое явление впервые предложил Поль Ланжевен. Суть предложения заключалась в использовании ультразвука для обнаружения вражеских подводных лодок, а для получения самого ультразвука предлагалось использовать именно пьезоэффект. Плоскопараллельная полированная пластинка горного хрусталя с электродами и держателем представляет собой пьезоэлектрический резонатор, то есть является колебательным контуром с определенной резонансной частотой колебаний. До недавнего времени пьезокварц использовался исключительно для военных целей. В настоящее время пьезоэлементы применяют как источники ультразвука в радиоэлектронике, различных медицинских, промышленных, исследовательских и даже бытовых приборах.

Он назвал основные поисковые критерии месторождений этого минерала и заострил внимание на вмещающих породах, среди которых первыми назвал кварциты. Потом закрыл тетрадь и, заглядывая в листочки, стал рассказывать об истории открытия:

– Первое месторождение горного хрусталя было открыто в 1940 году на водоразделе реки Алдан и безымянного ручья. Отличился геолог треста «Якутзолото» Михаил Щупинский. В то время он занимался поисками драгметалла и, зная проблему с хрусталем, не прошел мимо лежащих прямо на поверхности кристаллов. А предшествовала этому открытию находка прозрачных кристаллов неизвестного камня, сделанная охотником-эвенком. Камушки, похожие на лед, он показал геологам, и те признали в них так нужный горный хрусталь. Благодаря этому открытию накануне Великой Отечественной войны в Южной Якутии развернулись геологоразведочные и добычные работы на это сырье. Истоки нашей экспедиции как раз оттуда. А вот как вспоминает начало работ по поискам месторождений горного хрусталя один из наших ветеранов.

Кравцов перелистал несколько страниц с рукописным текстом и стал читать: «Первый отряд возглавляла Людмила Чернышкова. Этот отряд выехал в район Шуги, со вторым отрядом я отправился на ключ Утунахи, третий отряд начал разведочные работы на сопках „Хрустальная“, „Сосновая“, „Соседка“. Первые добытые кристаллы были низкого качества, и мы теряли надежду на успех, но не сдавались – продолжали поиски. Все верили в успех работ и были настроены идти до победы. И вот, в устье ручья Утунахи на одной из сопек я обнаружил

первые полноценные кристаллы кварца. Кристаллы были исключительно чистыми и годились для промышленного производства. В эти дни стояла холодная, ветреная погода, поэтому гору назвали „Холодная“. Вскоре в районе Тита я нашел несколько сопок с признаками хрусталенности и назвал их „Северная“, „Пустынная“, „Отрада“».

Докладчик оторвался от своих записей и посмотрел в зал. Все внимательно его слушали, и он продолжил:

– В течение значительного промежутка времени этот район был основным по добыче горного хрусталя. Работали там и в тяжелое военное и послевоенное время. За годы эксплуатации месторождений в тайге вырос целый поселок со всей инфраструктурой, включая медпункт, детсад, школу, клуб, магазин и даже почтовое отделение. Сейчас, конечно, этот поселок заброшен. Но в нем, как я слышал от наших рыбаков, почти все дома сохранились. Там обосновалась метеостанция со всем своим хозяйством. На ней постоянно живут три человека и две собаки.

– А попасть туда можно? – непроизвольно спросил его Борис. В его взгляде чувствовался неподдельный интерес человека, задавшего вопрос не лишь бы что-то спросить, показывая свою заинтересованность. – Я бы с большим удовольствием туда съездил. Посмотрел бы, с чего начиналась новая отрасль геологии.

Он улыбнулся и легко качнул головой, русые волосы его аккуратной прически упали на лоб.

По рядам прошло оживление. Все сразу загалдели и повернули голову к молодому человеку. Никто не перебивал докладчика, а тут какой-то выскочка, как многие подумали о нем, с места задал глупый вопрос. Коробков укоризненно на него посмотрел и, опустив голову, устоялся в стол.

«Ну, Боря, вечно поперек батьки в пекло лезет. Что за человек такой! Сегодня я ему устрою выволочку, думаю, мало не покажется. Вот...»

– Товарищи, все вопросы в прениях, – громко постучал по столу начальник управления Пискунов. – Вы мешаете докладчику.

– При необходимости можно долететь и до Луны, – улыбаясь, быстро нашелся Кравцов. – Если ради праздного интереса, то делать особо там нечего, все месторождения отработаны. А вообще-то, если есть желание, летом туда можно сплавиться на резинках с верховьев Алдана или подняться на моторке снизу, а когда замерзнут реки – по заброшенному зимнику через горный хребет. Или, еще проще, – вертолетом. При современной авиации залететь можно куда угодно, только за вертолет надо платить. А сейчас, как я понимаю, денег нет ни у кого. Хотя вы тут в центре, может быть, живете побогаче, чем мы на периферии. Вон в каких хоромах работаете, да еще совещания устраиваете!

Коробков понял, что это камень в его огород, насутился и, застучав пальцами по столу, отвернулся к стене. Это была его идея проведения совещания самоцветчиков. Начальство, как бывает нередко, вначале отказало, но после того, как он подготовил все бумаги, включая смету расходов, пошло навстречу. А тут вдруг вместо благодарности такой «выпад» в его сторону. И, главное, от кого: от периферийных геологов, которым надо на него Богу молиться и радоваться, что их пригласили в центр, куда бы сами в это тяжелое время они ни за что не попали! Кравцов не понял, чем не доволен директор музея, и, чтобы прервать неожиданно затянувшееся молчание, продолжил:

– За сравнительно короткое время геологи открыли большинство известных сейчас хрусталенных полей, которые составили крупнейшую хрусталенную провинцию страны. В ее открытии и разработке месторождений принимали участие специалисты из разных регионов страны. Многие из них в дальнейшем стали учеными с мировым именем. Так профессор Ермолов из львовского университета на горном хрустале из нашей провинции впервые разработал метод определения температуры образования минералов и месторождений. Изучением

наших месторождений горного хрусталя в военные и послевоенные годы занимался также профессор того же университета Евгений Михайлович Лазарев. Итогом его исследований стало большое количество публикаций, в том числе монографии по хрусталености кварцевых жил. В ней он привел свой метод изучения вмещающих пород и дал рекомендации по поискам месторождений горного хрусталя. Очередным этапом в получении кондиционного пьезокварца стал синтез горного хрусталя. Исследованиями в этом направлении занималась одна из первооткрывателей Верхнеалданского хрусталеносного района Людмила Чернышкова, о которой я уже упоминал в своем выступлении. А самым главным достижением нашей экспедиции стали открытие, разведка и разработка Порожистого месторождения горного хрусталя, расположенного на берегу того же могучего Алдана. Все сведения по пьезокварцу совершенно секретны, поэтому об этом объекте скажу только одно: запасов сырья там хватит еще нашим детям.

При слове «секретно» все на секунду замерли, хотя пугаться было нечего, так как практически все геологические материалы проходили под таким грифом.

Кравцов вытащил из портфеля несколько крупных кристаллов горного хрусталя и положил их рядом с тетрадкой, пояснив, что потом покажет.

– Горным хрусталем я занимаюсь всю свою трудовую жизнь и считаю, что мне очень повезло, – с пафосом сказал докладчик. – Ну что такое нефть?! Это грязная маслянистая жидкость. А железо или другие рудные полезные ископаемые? Как правило, невзрачные минералы, которых иногда и не увидишь без лупы. А вот горный хрусталь – это красивейший минерал, прозрачный, как байкальский лед, в котором скрыта волшебная энергия и, можно даже сказать, магическая сила. Вернее, он ее содержит, – поправил он себя. – У этого камня какая-то божественная связь с космосом. Он принимает и передает то, что мы не можем уловить своими органами чувств и даже никакими приборами. Хотя... – На полуслове он остановился и, окинув присутствующих внимательным взглядом, сказал: – Хотя у нас на Порожистом есть один геолог, который вроде экстрасенса. Он слышит сигналы, идущие от кристаллов горного хрусталя, и даже общается с ними. Благодаря своему дару он открыл почти все самые крупные полости с горным хрусталем. Я думаю, Георгий Александрович не даст мне соврать.

Пашков молча закивал головой и, поерзав на стуле, произнес:

– Верно. Первооткрыватель большинства крупных камер и занорышей горного хрусталя на Порожистом – геолог участка Александр Никанорович Трошин. Только как он их открыл, я не знаю. Наверняка с помощью геофизики, а не благодаря каким-то своим сверхъестественным способностям. Во всякую там магию и прочую чушь я не верю. Правда, все говорят, что он слышит какие-то звуки, издаваемые кристаллами, а я, повторюсь, считаю, что это полнейшая ерунда. И как убежденный материалист я скажу, что нет никаких потусторонних сил, как нет у человека души и, соответственно, не может он общаться с какими-то неодушевленными объектами. Тем более не могут они посылать ему сигналы, которые он будто бы принимает. Да, горный хрусталь обладает пьезоэлектрическим эффектом, да, правильно обработанные пластинки издадут определенную частоту колебаний, но это все объяснимо. Это физическое свойство материала и ничего более. А чтобы... – Он замолчал и, видно, подыскивая правильные слова, продолжил: – А чтобы человек принимал какие-то сигналы, подаваемые горным хрусталем, да еще общался с ним – тут вы меня извините, такого не может быть. Человек тут ни при чем. Трошин просто авантюрист.

Кравцов не ожидал такой бурной реакции своего начальника и, чтобы как-то сгладить эту сцену, в заключение своего выступления пригласил Коробкова посетить месторождения горного хрусталя и отобрать для музея кондиционные образцы.

Сплав по горной реке

Старый ворон громко закаркал и, сорвавшись со сломанной макушки вековой лиственницы, взмыл ввысь. Своим зорким глазом он уловил какое-то необъяснимое движение на полноводной реке. Будто водная стихия неукротимо продвигалась вперед, и волна медленно накатывала на берег. Ворону ничего не грозило, а его соседи могли пострадать. В своей округе он знал каждый камень, лежавший на берегу, каждое дерево и даже каждый куст. В норе под поваленной елью давно поселилась огненно-рыжая лисица. Брюхо у нее было белым, а лапы темными. Когда лисица бежала, среди кустов мелькал белый кончик длинного пушистого хвоста. Осенью к ней повадилась ходить такой же рыжий лис. Они резвились на поляне и даже вместе ловили мышей. Потом он куда-то исчез, неизвестно где перезимовал и прибежал только с приходом весеннего солнца. Больше он далеко не уходил, а когда почти весь снег сошел, у лисицы появились маленькие щенки. Об этом мудрый ворон догадался по тому, что лисица несколько дней не покидала свою нору, а лис целыми днями носил ей пойманных полевок. Однажды какой-то темно-бурый комок выполз из норы. Был он похож на маленького волчонка. Так же, как у его матери, на кончике хвоста ворон заметил белую отметку, и он уже полетел было вниз, чтобы его схватить, но комок скатился в свою нору, а оттуда показалась мать-лисица. Она сердито посмотрела на пролетевшего над ней ворона, и тому даже показалось, что она его предупредила, чтобы он больше никогда не появлялся рядом с ее жильем. Однако ворона это не остановило – в тайге был и его дом.

Когда на реке затрещал лед, все лисье семейство перебралось в другую нору. Была она на крутом берегу и дальше от реки. Ворон видел, как лис носил туда сухие ветки и прошлогоднюю траву. Пока родители занимались устройством нового жилья, лисята играли перед норой на полянке. Три лисенка были похожи на маму-лисицу, а у четвертого по бокам виднелись серые подпалины. Из-за этого ворон называл его про себя Серым. Серый был задиристым и непослушным. По команде матери все прятались в нору, а Серый почему-то бежал в кусты. Однажды он помчался за зайцем и чуть не заблудился. Лис его быстро нашел, взял за шкуру и притащил к своему семейству, а там уж мать дала ему подзатыльник. Урок не пошел Серому впрок: его подстерег черный коршун, живший на высокой скале. На глазах у всего семейства он камнем упал на лисенка, придавил к земле и ударил мощным клювом по голове.

Сколько ворон себя помнил, на другом берегу реки зимовала медведица. В эту зиму она устроила свою берлогу под кучей валежника. Медведица была большой, с облезлыми светло-рыжими боками, потертыми во время долгой спячки. Сейчас с двумя шустрými несмышленищами она моталась по берегу в поисках прошлогодней брусники. Темно-красные бусинки просвечивали на солнце и манили к себе даже ворона. Вдруг в зеленых кустиках брусничника мелькнула серая куропатка, и не успел ворон даже каркнуть, как из-за поваленного дерева молнией проскочил собо́ль и от куропатки полетели перья. Испуганные медвежата наперегонки кинулись к матери. Не раз семейство хитрого, ловкого собо́ля лишало ворона легкой добычи. Рыжие пищухи и полевые мыши были любимым лакомством многих обитателей тайги. Чаше всего ворону попадались только выползшие из норы мышата. Они еще не успели узнать, что кругом их поджидает опасность, и сразу становились легкой добычей разных зверей.

Черный ворон пролетел над рекой, обогнул мыс, и его взору предстала необычная картина. Прямо возле скалы, к которой прижималась река, плыли три резиновые лодки с людьми. По экипировке он признал в них геологов. В том месте был плес, основная струя течения шла вдоль противоположного берега, поэтому вода под скалой почти стояла, и, чтобы лодки двигались быстрее, геологам приходилось часто махать веслами. На двух лодках весла бесшумно входили в воду, а на последней – хлопали по воде, в разные стороны разлетались разноцветные радуги. Геологов ворон давно здесь не видел. Обычно шумные моторки с какими-то людьми

поднимались снизу, но сюда они не заходили. Вот и этой весной после ледохода ниже по течению проскочили две загруженные быстроходные лодки. Ворон знал, что они привезли продукты метеорологам, жившим в заброшенном поселке геологоразведчиков. Пока резиновые лодки угрозы никому не несли, и, сделав круг, мудрый ворон приземлился на безопасном расстоянии.

* * *

Не напрягаясь, Борис привычно греб, и лодка послушно продвигалась вперед. Миновав тихую протоку, лодка вошла в главное русло реки с быстрым течением. Борис оглянулся назад. Почти вслед, по его воде шла лодка Евгения Лебедева. А Степан Хитров значительно отстал. Борис с силой надавил на правое весло, лодку резко развернуло, и она встала боком. Скорость упала, лодка самосплавом пошла по течению.

– Борис Николаевич, вы так резко развернулись, что я чуть не вылетела за борт, – игриво сказала Бэла, сидевшая перед ним лицом вперед.

– Привыкай! Это только начало, а впереди еще... – Он не договорил, с ними поравнялась лодка Лебедева.

– Боря, что стоим? – спросил его Евгений.

– Ждем-с молодого специалиста. Они же в вузе не проходили греблю, поэтому с теорией не знакомы, а практику еще не наработали.

Лебедев сказал, что тут нужна только физическая сила, а с веслами со временем он разберется.

– Принцип тут один: упираться, как все, тогда не будешь отставать.

– Ну, значит, он не может упираться, – резко ответил Борис.

– Не хочет.

Подошла лодка Хитрова. Сидевший в ней молодой человек выглядел уставшим. На его круглом лице выделялась светлая щетина, серые глаза казались потухшими. На вид ему можно было дать не больше двадцати, хотя два года назад он окончил университет и приближался четвертной юбилей. Он бросил гребсти, руки оторвал от весел, и лодку стало сносить течением.

– Степа, что с тобой? – поравнявшись с ним, спросил его Борис. – Почему ты все время плетешься в хвосте?

– Да вот, руки натер, мозоли выскочили.

Покопавшись в большой конской суме, Борис вытащил верхонки и передал Хитрову.

– Надо было сразу мне сказать. Еще ничего не прошли, а у тебя уже проблемы. Не отставай, ждать не будем.

Только Борис взялся за весла, как услышал отрывистый громкий лай, доносившийся с берега. Он был похож на собачий и заканчивался коротким воем. В ответ ему раздалось рычание, которое перешло в незлобное урчание.

– Борис Николаевич, это волки! Они же могут на нас напасть, – всполошилась Бэла. – Мне страшно. Вытаскивайте свое ружье.

– Не бойся, так резвятся лисицы. Они сейчас натаскивают своё потомство. Даже если бы это были волки, к нам они бы не поплыли.

Борис погрузился в размышления.

* * *

На машине его отряд добрался до Югры, большого притока, впадавшего в Алдан, и там, почти под самой оградой конторы заказчика разгрузились. Едва машина отъехала, как будто из-под земли выросли двое крепких мужчин в камуфляжных костюмах с оружием в руках.

Вместо приветствия они сразу «наехали» на приехавших геологов. Как оказалось, ниже по течению находится территория государственного заказника, который охраняют эти егеря. Проход туда запрещен. Ни по суше, ни по воде и даже по воздуху попасть туда нельзя. Для его посещения требуется разрешение какого-то комитета, который находится почти за двести километров отсюда. И пока Борис не предоставит им эту бумагу, они их не пропустят.

– Можете возвращаться туда, откуда приехали, – сказал бородатый егерь. – Машину вы зря отпустили. Теперь весь скарб придется выносить на себе.

Борис ответил, что они проплывут транзитом и даже не будут выходить на берег. Однако на егерей его слова не возымели никакого действия, и за решение этого непростого вопроса взялся умудренный жизненным опытом Лебедев. Был он старше Бориса на добрый десяток лет и слыл деловым человеком. Работа в геологическом управлении ему не давала экстрима, и, чтобы немного «развеяться», – как он сказал, согласился пойти в эту экспедицию с Борисом. Две бутылки спирта, принесенные в жертву егерям, решили проблему с проходом через закрытый заказник.

Весь день ушел на подготовку к сплаву. По совету Евгения вместо хлипких алюминиевых весел геологи сделали деревянные. На ручки приспособили сухие жерди из лиственниц, вырубленных поблизости, на лопатки пошли тонкие доски от ящиков из-под консервов. Весла получились тяжелей «родных», шедших в комплекте с лодками, но главное – были крепкими. Когда их вставили в уключины, Борис проверил длину и лишнее отпилил своей походной ножовкой. Провожать флотилию геологов вышел весь персонал заказника, повеселевший к этому времени. Перед самым отплытием старший егерь сказал, что три дня назад тут прошли иностранцы на похожих резинках.

– Я думаю, вы их догоните. Это рыбаки. Они будут останавливаться возле каждого переката и устья ручья, а их тут немало.

Когда отчалили от берега, четверо молодых здоровых мужчин махали им вслед, желая счастливой дороги.

Солнце спряталось за соседнюю сопку, на реке похолодало, стало промозгло и сыро, как в дождливую погоду. Изумрудно-зеленые лиственницы, какие бывают только ранней весной, сразу потускнели и приобрели темный оттенок. Вода в реке показалась мутной и неприветливой. От мыслей, что придется плыть по холодной воде, становилось не по себе, но с первыми взмахами весел гребцам стало теплей, на душе полегчало. Поначалу Борис хотел сплавиться до устья впадавшей слева Томги. Там он хотел стать лагерем и порыбачить. Однако усталость и дневная суета брали свое: проплыв от егерской базы три петли, он причаливал к берегу, как вдруг услышал крик Феди. Тому понадобилось срочно выйти на берег, и, когда подходил к песчаной косе, пропорол нос лодки. Вода вокруг запузырилась, резинка зашипела и резко просела. Напуганный Степа быстро подгреб к берегу и, справив нужду, стал кричать геологам, ушедшим вперед.

Борису и Евгению пришлось грести против течения, чтобы прийти тому на помощь. Табор разбили на месте аварии, где Борис никогда бы не остановился. Перед сном он подвел итоги и, хотя первый день сплава не прошел без приключений, в общем, остался доволен. Когда Борис засыпал, ему привиделись последние дни перед отъездом в поле.

Серьезный разговор

На следующий день после совещания директор геологического музея вызвал Бориса к себе и, предложив сесть, сказал, что у него серьезный разговор. Как только тот устроился за свободным столом напротив него, Коробков без вступления стал его отчитывать. Он сказал, что из-за его ненадлежащего поведения на совещании ему пришлось краснеть. Как школьника, стал он его учить простым правилам, которые тот знал не хуже него. И Борису даже показалось, что сейчас он скажет, чтобы завтра он не приходил без родителей. Можно было подумать, что весь негатив, накопившийся за последние дни, начальник хочет сбросить на Бориса. Когда весь пыл прошел, Коробков вдруг сказал, чтобы тот собирался в командировку.

– Поедешь к самоцветчикам, привезешь хорошие образцы для музея. Ты же слышал, что они нас пригласили и обещали оказать всяческую поддержку и помощь.

Обычно, чтобы на что-то решиться, Коробков долго взвешивал все «за» и «против» и только после этого принимал решение, поэтому Бориса поразила не свойственная шефу оперативность.

– Что, прямо сейчас? – съязвил он.

– Я же не сказал, что это очень срочно. Просто чтобы ты имел в виду, командировка за тобой. В нашем случае нельзя терять время. Момент упустишь, считай – пропало: о тебе забыли. Составь список, чего бы мы хотели от них получить, и принесешь его мне на утверждение. Включили в него побольше и даже пару образцов рубинов.

– Так они их еще не нашли, у них только предпосылки на открытие проявления, – не выдержал Борис. – А самих камней-то еще нет. Пашков же сказал...

Коробков поднял голову и, сердито посмотрев на него, выпалил:

– Раз сказал, что есть предпосылки, значит, уже нашли. Иначе он об этом даже бы не выкал. Знаю я все эти штучки, сам проходил. Стоит только заявить об открытии, с тебя сразу потребуют отчет, которого еще нет, и ты будешь лезть из кожи, чтобы доказать о своей находке. Поэтому лучше все подготовить, а уж потом кричать.

Разговаривая с собеседником, Коробков время от времени отводил глаза вниз и, набычившись, смотрел исподлобья. Если вопросы не касались работы, то прямых контактов со своими подчиненными он избегал и старался уходить от разных проблем или их просьб. Кто-то из сотрудников объединения сказал о нем, что короткая шея – признак того, что ее владелец обязательно будет начальником. И он им стал. Несмотря на свою комплекцию, был он подвижным и довольно активным, что сразу отметили в коллективе.

– Иван Леонидович, а зачем нам готовые образцы? Что, мы сами не сможем их найти?

Тот развёл руками. Что можно было понять по-разному. Но первое, о чем подумал Борис, глядя на начальника, Коробков посчитал его ненормальным. Геологический музей, мол, не должно беспокоить пополнение коллекции. Ему даже не нужны образцы, которые надо только забрать.

– Да ты что, смеешься? Где же мы найдем коллекционные минералы и друзы? Каждый геолог отбирает самые лучшие образцы, а они что, глупее всех?

– Я хотел сказать о другом. Нам надо провести полноценные полевые работы с посещением Порожистого и всех кварцевых объектов. Там соберем коллекцию, а потом создадим новую экспозицию. Конечно, мы не будем отказываться от того, что, так сказать, само идет нам в руки.

Мысль о встрече с Трошиным засела в голове у Бориса так крепко, что не давала ни на чем сосредоточиться. А для этого надо было попасть на Порожистый. Зачем нужна была ему эта встреча, спроси кто-то, он бы не ответил. Но где-то в глубине души он чувствовал, что, возможно, она будет главной в его жизни. Поэтому сейчас он поставил на карту все и стал

убеждать Коробкова в необходимости полевых работ с посещением всех районов и месторождений горного хрусталя.

– Как ты себе это представляешь? У нас нет ни полевого снаряжения, ни людей. Да и вообще в смете полевые работы в этом году не заложены. Правда, в уставе предприятия я предусмотрел, но это ни о чем не говорит. Устав – это не смета. Кто даст деньги на их проведение? Вот представь себе: сейчас я приду к главбуху и скажу, что нам нужны деньги на поля, а Марья Ивановна спросит, где мы были раньше? Образно говоря, пошлет меня подальше.

В душе Коробков был согласен с Борисом, но организация и проведение полевых работ – всегда немалая ответственность для руководителя. А вот с командировкой не было проблем: смотался самолетом на неделю в Нерюнгри, забрал образцы, которые тебе дали, сдал на коммерческий склад, а сам опять на самолет – и домой. За такую инициативу и оперативность его как директора музея только похвалит начальство.

* * *

До прихода в геологический музей Борис работал в поисково-съёмочной экспедиции. Вначале занимался поисками золота и платиноидов, а в конце стал составлять геологические карты. Однако любовь к минералогии пересилила, и он не смог отказаться от приглашения Коробкова. А тому после переезда в город надо было собрать свою команду. Это он понял еще раньше, когда работал простым геологом в горной экспедиции. Только с коллективом толковых ребят, устремленных на победу, можно было чего-то добиться. Поэтому, прослышав о Борисе, он предпринял всё, чтобы переманить его к себе. Впрочем, долго уговаривать того не пришлось.

Еще с университета Борис отдавал предпочтение минералогии. Он мог часами заниматься с минералами. Изучать их свойства, закономерности образования и размещения месторождений. На втором курсе он написал научную статью, которую напечатали в престижном журнале. После этого профессор предложил поступать к нему в аспирантуру. Борис уже строил планы на свою научную карьеру, но в последний момент его место отдали сыну проректора. Так после учебы он оказался в Якутии.

Первый раз Борис Кузьмин попал в эти края, когда проходил производственную практику. За ней последовала преддипломная. Он думал, что с Якутией распрощался навсегда, однако жизнь распорядилась иначе. Здесь он встретил свою первую любовь, и в его жизни начался новый виток. С весны до поздней осени, когда мороз сковывал реки и в горах ложился снег, он жил в тайге. А вернувшись в город, с головой погружался в обработку полевых материалов. Работы было много, и иногда он даже забывал, когда ел последний раз. После обработки рабочих материалов писал отчет о результатах поисковых или геолого-съёмочных работ. Свободного времени почти не оставалось, и казалось, что так будет всегда. Об аспирантуре он уже даже не вспоминал, а вот если в руки попадал какой-нибудь не известный ему минерал, занимался с ним до тех пор, пока не определял.

Коробков поднял на него глаза и испытывающе посмотрел. В этот момент он подумал, что этот парень действительно неглуп и, возможно, стоит к нему прислушаться. Но как будто кто-то другой говорил ему, чтобы тот послал его подальше и показал, кто тут начальник. Он уже готов был выпроводить его из кабинета, как зазвонил телефон. Сказав «иду», он быстро вскочил и пошел к двери. Следом за ним поднялся Борис. Коробков махнул ему рукой, чтобы он его подождал. Вскоре он вернулся, но уже с другим настроением.

– Сейчас подойдет заслуженный геолог Коршак, и мы поговорим по поводу полевых работ. В свое время он занимался кварцем, поэтому лучше нас знает эту проблему. А вообще, надо было сразу после совещания договариваться с Пашковым и Кравцовым, чтобы они нам

помогли. А вот и Валентин Павлович, – заулыбался Коробков при виде вошедшего пожилого мужчины в темном костюме и светлой рубашке с однотонным темно-синим галстуком.

Тот протянул руку Борису и сел в торце его стола. Был он среднего роста с редкими седыми волосами на голове. Мешки под глазами говорили, что он не совсем здоров. Перекинувшись общими фразами, Коробков спросил Коршака о последней рыбалке, что было его страстью, о которой все знали, и постепенно заговорил о главном. Ссылаясь на уехавших самоцветчиков, Коробков сказал, что те пригласили их посетить свои старые объекты и собрать коллекцию горного хрусталя и других минералов.

– Валентин Павлович, как вы считаете, стоит туда забираться с полевыми работами?

– Если только возьмете меня, – в шутку ответил тот. – Провожатый никогда не помешает. Хотелось бы вспомнить свою молодость и посмотреть на то, что там осталось, да грехи не пускают. Был бы помоложе, рванул бы без оглядки.

– Да вы и сейчас как огурчик, – вставил Борис. – Выдержите любые нагрузки.

– Ну уж нет, простите, мое время прошло. А вообще, хочу я добавить, все месторождения горного хрусталя уже давно отработаны, и я думаю, найти там что-то интересное вряд ли вам удастся. Про Порожистый я не говорю, а вот со старыми объектами дело обстоит именно так, как я сказал. Хотя... – Он на мгновение замолчал и нахмурился. На лбу появились морщины, на округлом лице обозначились скулы. – Может, что-то и осталось еще, да что толку! Вам же нужны классные музейные образцы. А такие нигде не валяются.

Красивые образцы минералов и горных пород всегда привлекали внимание человека. Люди, даже далекие от минералогии, с восторгом любовались необычными кристаллами и друзами. Восхищались их формой, цветом и различными сростаниями. А более продвинутых привлекали фантомы и видимые включения других минералов. Ведь природа создает такие чудеса, с какими не может сравниться ни одно рукотворное произведение искусства, высеченное, нарисованное или сотканное самыми лучшими мастерами.

– Не забывайте, что это были первые хрусталеносные объекты, – продолжал Коршак, – и разрабатывались они в войну и в первые послевоенные годы. Народ тогда трудился не жалея своих сил. Основным девизом было: «Все для фронта, все для победы». То есть к чему я веду, – сказал он с серьезным видом, – из рудных тел там выгребли все подчистую. Разве что какой-нибудь кристалл горного хрусталя попал в отвал. Но это опять же не кондиция, то есть это не коллекционка, интересная для музея. Может быть, вам улыбнется счастье, и вы найдете то, что надо. Дерзайте!

Наступила секундная пауза. Каждый думал о своем. Коробков положил ручку на стол, которой что-то рисовал на листке бумаги, и по привычке застучал пальцами по столу. С последними словами Коршака ненадолго пришедшее озарение улетучилось, как дым от выкуренной сигареты. А Борис почувствовал, что его охватывает волнение. Волнами оно захватывает все тело и начинает сжимать грудь.

«Ну, все, кажется, маятник фортуны повернулся в другую сторону. Не видать мне этого поля как своих ушей. Откуда Коробков откопал этого Коршака? Я его постоянно встречаю в коридоре, но никогда не обращал внимания, а он, оказывается, работал на кварце, да еще, по видимому, спец в этом деле».

Борис решил стоять на своем, понимая, что другого случая может не представиться. Мимолетная радость сменилась затяжным ожиданием. Сейчас его начальник должен подвести итоги – и тогда... Но неожиданно для него заговорил Коршак:

– Если у вас действительно возник интерес к месторождениям Верхнеалданского хрусталеносного района и вы собираетесь туда в поле, я вам дам хорошую наколку. Слушайте, возможно, вам пригодится. Можете даже что-то отметить у себя.

Как за спасательный круг, Борис схватился за ручку и, открыв тетрадь, приготовился записывать. А Коробков задумчиво покачал головой. Вроде того, что и так все ясно. На лбу у него появились морщины, под глазами – гусиные лапки.

– Примерно в 50–60 километрах к западу от Тита находится Агинский хрусталеносный узел. Это в бассейне среднего течения Шуги, – уточнил Коршак, посмотрев на стену в поисках карты, но, не увидев ее, продолжил: – Он включает в себя больше десятка разных по масштабу месторождений и проявлений горного хрусталя. Среди них Килеричи, Барсук, Малютка и другие. Все они были открыты во время войны, и тогда же их отработали. Самое крупное – Килеричи. Находится оно примерно в семи километрах от устья Шуги. Сразу после его открытия там построили целый поселок для горняков. Все дома, как на подбор, из вековых лиственниц, один красивей другого. Тогда люди умели строить, владели топором и пилой, как вы авторучкой, – кивнул он на Бориса. – Среди них: камералка для работы геологов и начальника участка, два длинных барака для рабочих, баня, медпункт, клуб, столовая и прочие объекты соцкультбыта, как теперь говорят. Была там и дизельная электростанция. Словом, по тем временам участок был оборудован на все сто. К сожалению, никто не учел того, что любые месторождения имеют свойства отрабатываться. Шла война, стране позарез нужно было кварцевое сырье, поэтому без разведки, что называется, прямо с колес стали заниматься добычей. Правда, если честно, то ресурсы все-таки прикинули, и по ним получалось, что сырья хватит надолго. Кто занимался горным хрусталем, тот знает, что с ним не так все просто, как с рудными полезными ископаемыми. Кроме того что кварцевые жилы имеют свойство выклиниваться, так не во всех еще есть погреб с горным хрусталем или даже небольшие занорыши.

В кабинет кто-то заглянул, и Борис непроизвольно перевел взгляд на дверь. Как только дверь закрылась, Коршак замолчал и откинулся на спинку стула.

– Я вас утомил. Сейчас заканчиваю, меня уже ждут, – сказал он. – Словом, Килеричи быстро отработали, зато километрах в пяти северо-западной от него нашли два других месторождения – Барсук и Малютка. Капитальных зданий строить там уже не стали, а по зимнику перевезли несколько домов и все необходимое. Вкалывали вахтовым методом в три смены. Так вот, работая в молодости геологом на Тите, был я на всех этих объектах. Но самое интересное в другом: будучи однажды на отдыхе в Сочи, я встретил бывшего коллегу – Валеру Макарова, с которым, скажем так, щи хлебал из одной миски на Тите. Был он старше меня лет на десять. Всю войну Валера проработал на кварце. Принимал участие в открытии месторождений Агинского хрусталеносного узла. Как положено, мы с ним посидели вечер в приличном сочинском ресторане, вспомнили о былом, и он мне поведал страшную тайну. А Валера до фанатичности был влюблен в минералогию. Разбуди его ночью, спроси о каком-нибудь минерале, он тебе даже формулу скажет. Словом, Валера нашел на Барсуке красивейшую друзу горного хрусталя, настоящий музейный экспонат. И он решил ее передать в главный в стране академический минералогический музей, в 1934-м, перевезенный из Ленинграда в Москву. Теперь, как вы знаете, он носит имя академика Ферсмана. Как Валерий мне рассказывал, от мысли, что из-за чистейших кристаллов горного хрусталя это великолепное скопление сросшихся кристаллов расколотят молотком, его бросало в дрожь. А как ее оставишь? Это же преступление, тем более во время войны. Люди работают, чтобы добыть сырье, а ты его прячешь. Будто бы ты думаешь о благом деле, а получается, что ворует. Раньше не было такого понятия «коллекционный образец», а во время войны и тем более. Никто даже не подозревал, что красивая друза горного хрусталя стоит дороже самых чистых кристаллов. Словом, он рассказал о ней горному мастеру, добавив, что это редчайший музейный образец мирового уровня. Тот внимательно его выслушал и, кажется, проникся проблемой геолога.

– Понимаешь, сейчас не время думать о музеях, нам надо кристаллосырье, с планом горим, – сказал тот с чувством ответственности. – Отвези ее на вагонетке в первый штрэк и

прикопай глиной, а там видно будет, что с ней делать. Но за ее сохранность я не отвечаю, сам понимаешь, сторожа я туда не поставлю.

Как посоветовал горный мастер, Макаров спрятал друзу в штреке и время от времени туда навевывался, а в последний раз увидал, что кто-то ее смотрел. Перед переводом на другой участок он решил ее перепрятать. С трудом загрузил на кусок рваного брезента и волоком стащил вниз по отвалу. Надеялся, что когда-нибудь за ней вернется, но, как видите, ничего не получилось – его друза и три двухголовика горного хрустала остались в тайге.

– Ух ты, – захохотал Борис. – Обалдеть можно, друза с отработанного месторождения! Это же наша история, а для музея бесценная находка.

Коршак, не обратив внимания на его восклицания, продолжил:

– При прощании он сказал, что теперь никогда туда уже не попадет, а я, будто бы по долгу службы, может быть, залечу на вертолете и заберу спрятанные образцы. К сожалению, я не распоряжаюсь вертолетами, поэтому не сложилось. Вот такие дела, дорогие товарищи.

И он встал.

Первое испытание

Борис проснулся раньше всех и, потягиваясь после сна, пошел к реке. Вода за ночь заметно упала, лодки оказались на галечной косе. Полуспущенная резинка Степы лежала вверх дном и представляла собой печальное зрелище, как будто вместе с воздухом, вышедшим из баллона, ее покинула жизнь. По-летнему было жарко, и только от воды веяло прохладой. Вдоль берега росли ольха и осина, а дальше плотной стеной стояли мелкие лиственницы. На полянках и в местах, где было просторней, деревья вымахали до небес. Среди них попадались великаны в добрый обхват крупного мужчины, своей кроной закрывавшие все свободное пространство. Борис углубился в лес, остановился и огляделся по сторонам. Тайга казалась безжизненной. Можно было подумать, что все живое после короткой ночной передышки куда-то спряталось и теперь отлеживается до наступления темноты. Под ногой хрустнула ветка, раздавшийся звук показался хлестким выстрелом, нарушившим лесной покой. Из норки выскочила полевка, пробежала по зеленому мху и где-то скрылась. Прямо перед собой Борис увидел небольшого серого дятла, бойко орудовавшего на макушке лиственницы. Не обращая на человека внимания, он недолго постучал, перелетел на другое дерево и сел еще ближе. «Тут-тук-тук», разнеслось по всей округе.

Когда Борис подошел к палатке, Евгений разжигал костер.

– Привет! Кто рано встает, тому Бог подает, – сказал он радостно. – Как я понял, ты сегодня за дежурного.

– Вроде того, – ответил тот на приветствие. – Хочу вас накормить гречневой кашей с тушенкой. Рыбы и мяса пока у нас нет, поэтому будем налегать на традиционную еду полевиков – всевозможные каши с тушеным мясом или проще – с тушенкой. Ты не против?

– А куда деваться? Хорошо приготовленная каша не хуже картошки.

Когда завтрак был готов, Борис разбудил Степу и Бэлу. Первым из палатки вылез Степан. Был он среднего роста, белобрысым, с жидкими длинными волосами. Степан Хитров работал геологом в поисковой экспедиции, а в этом сезоне «в поля» его не взяли, и, чтобы немного подзаработать, составил компанию Борису. Следом за ним с полотенцем в руке мышкой проскочила Бэла, высокая светловолосая девушка в темно-синем спортивном костюме и светлой футболке. Бэла приехала на преддипломную практику в экспедицию, где работал Степан, и тот уговорил ее поехать с ним в поле, пообещав помочь с дипломной работой. Училась она в том же Ростовском университете, который окончил Хитров. Умывшись в реке, она подошла к столу и по-хозяйски стала наводить порядок. Вытащила из сумы хлеб, принесла миски и ложки.

– Товарищи геологи, приглашаю вас к столу, – звонким голосом объявила она. – Прошу занимать места согласно купленным билетам. Каждый может принести свой спальник. В чехле, конечно, – подмигнула она Феде. Тот от счастья засиял, словно его почтила своим вниманием сама Богородица Пресвятая Дева Мария.

После города все они оказались «в поле», так геологи называли экспедицию, поэтому нужно было не только физически соответствовать понятию геолог, но и перестроить себя психологически. Теперь это был единый коллектив, в котором им предстояло круглые сутки находиться вместе. Не считаясь со своим характером, понятиями о жизни и выработанными привычками, искать общие точки соприкосновения. Как в любом коллективе, здесь были свои порядки, правила и обязанности, которые следовало выполнять, и кто не проходил испытания на совместимость, рисковал стать отшельником. Таких людей одолевала тоска по дому, к ним приходило разочарование в выбранном пути, неудовлетворенность ожиданиями и хроническое недовольство всем и всеми. Обычно эти «болезни» проявлялись не сразу, а причиной могла стать усталость и обида. Но вначале всех посещала эйфория безграничной свободы и

радости того, что ты наконец-то оказался на природе и сейчас займешься своим делом, которому учился и посвятил свою жизнь.

* * *

Еще издалека Борис заметил, как вода заволновалась, преодолевая препятствие, пошла струями.

«Перекат», – отметил он для себя и направил лодку в то место, где струя шла одним стремительным потоком. На мгновение он опоздал, лодку сразу унесло в сторону галечной косы, перекрытой водой. Борис со всей силы налег на весла, пытаясь на скорости ее проскочить. Послышался шелестящий звук, дно внутри лодки приподнялось, и она села на мель. Борис вытащил из уключины одно весло и, как шестом, стал толкаться. Лодка качнулась и, немного продвинувшись вперед, остановилась.

Евгений со Степаном взяли правей и, не напрягаясь, спокойно прошли по основной струе. Течением их быстро понесло вперед.

– Вот черт, у нас проблема! – заругался Борис. – Зацепились брюхом с брезентом, а в нем тоже вода. На нашей лодке два человека и куча бутера, для нее это многовато. Глубоко сидит.

Он отвернул длинные голенища резиновых сапог и прыгнул в воду, следом за ним осторожно вылезла Бэла. Вдвоем они подтолкнули лодку, но она почти не сдвинулась. Они стали ее раскачивать, резинка стояла как вкопанная.

– Намертво засели, – сказала Бэла. – Надо звать на помощь, пусть помогают.

Первое, что сразу накатило на Бориса, была досада, вызванная неудачей. Как это он – опытный полевик, вместо того, чтобы показывать всем пример, влетел на галечную косу. Да еще со студенткой, которая смотрит на него, как на Бога. В ее глазах он настоящий геолог, да еще начальник отряда. Хоть и небольшого отряда, но он же начальник.

– Никого мы звать не будем, справимся сами. Только придется развьючиваться и перетаскивать все снаряжение на сухую косу. Вот черт, я так хорошо загрузился. Но ничего не поделаешь – иначе мы отсюда не выберемся. Помогай!

Он снял с лодки тяжелые сумы с продуктами, студентка вытащила свой рюкзак и спальник, на котором сидела. Лодка сразу стала податливой. Борис покачал ее из стороны в сторону, на течении лодку стало разворачивать.

– Больше выгружать ничего не будем, теперь она пойдет и так. Толкай сзади. – И, взявшись за веревку, он потянул лодку вперед. Резинка медленно поползла по гальке и, казалось, сейчас снова остановится, но вдруг приподняла нос и от очередного толчка лодка вырвалась из плена. Стоя по пояс в воде, Борис потянул ее к берегу.

– Ура-а-а, мы спасены! – радостно закричала Бэла.

«Спасены, – пробурчал про себя геолог, – а мне теперь надо сушиться».

На берегу он вылил воду из сапог и, загрузив лодку, налег на весла. Они быстро прошли один прижим, обнажившиеся камни на перекате, вышли на прямую, проскочивших лодок не было видно.

«Что же они нас не подождали, – заволновался Борис, – могли бы причалить и чай вскипятить, время обеда. Сейчас бы и перекусить не помешало...»

Только он об этом подумал, как вдалеке увидел дым, поднимающийся над лесом. Ветром его погнало им навстречу, и над долиной реки он превратился в прозрачную, сизую дымку.

– Борис Николаевич, смотрите, они нам сигналият.

На песчаном берегу горел костер, а над огнем висел почерневший чайник. Рядом с костром суетился Евгений, на сухой колоде сидел Степа. Он задумчиво смотрел на воду и отмахивался от комаров. Когда они причалили, молодой человек подошел к лодке и, как истинный джентльмен, подал руку Бэле.

– А мы вас уже заждались, – сказал он с ехидной улыбкой на лице, – стали беспокоиться. Евгений вот чай организовал.

На берегу сразу стало жарко, тучей налетели комары. На брезенте лежала буханка белого хлеба, банка сгущенки и две банки тушенки. Борис принес рюкзак с посудой и вытащил кружки с ложками.

– Женя, ты как будто меня услышал, – радостно сказал Борис. – Есть охота, а вы от нас рванули. Ну, думаю, сейчас бы крепкого чайку, и я бы съел целого барана, а тут уже стол накрыт.

Борис снял сапоги, разложил их на горячем песке, выжатые портянки развесил на кустах в стороне от костра.

– Я бы раньше причалил, да не нашел подходящего места. То прижим, то галечная коса в тени, а тут вот вам простор...

– Да, тут очень красиво, – с восхищением сказала студентка, – песчаный берег, а вокруг высоченные лиственницы и рядом ни души. Я о таком поле мечтала в городе, а после экзаменов не находила себе места, рвалась на Север. И не ошиблась, что согласилась пойти с вами. Это Степа меня убедил. – Она посмотрела на молодого человека и улыбнулась.

– Я тебя понимаю, Бэла, – наливая всем чай, сказал Евгений. – В свое время я тоже заболел Севером. В душе я всегда считал себя геологом, а когда окончил университет, то добился распределения в Якутию. Геофизиком работал в трех разных экспедициях, потом меня пригласили в геологоуправление, где сейчас и состою на службе.

Солнце припекало, от жары не спасал даже ветерок, дувший с реки, но зато отгонял назойливых комаров. Золотистый песок обжигал ноги. После привала хотелось окунуться, но надо было собираться. Борис прошелся по берегу, снял высохшие портянки и, подойдя к Евгению, с озабоченным видом сказал, что пока даже не видать следов иностранцев.

– Здесь не лучшее место для рыбалки. Я думаю, завтра мы их догоним.

Непредвиденная встреча

На реке было тихо. Только капли воды при каждом взмахе весел хлюпали за бортом, разбавляя тишину. Из густых кустов тальника вдруг показалась рогатая лосиная голова. Зверь от неожиданности замер, проводил лодку быстрым взглядом и мгновенно исчез. О том, что кто-то там стоял, говорили лишь качнувшиеся ветки. Бэла долго восторгалась увиденным и сожалела, что под рукой не оказалось фотоаппарата.

Вскоре солнце спряталось за гору, быстро надвинулись сумерки, вокруг потемнело. Надо было думать о ночлеге. В этот раз Борис хотел остановиться на высокой террасе, чтобы с нее можно было обозревать реку и ближайшие окрестности. Еще издали он заметил обрывистый берег и понял, что это то, что ему надо. Когда прошли очередную петлю и подплыли ближе, среди леса мелькнула избушка, а вдоль берега выстроилась целая флотилия резиновых лодок. Пять резинок были, как близнецы, похожи на их лодки, а одна была неказистой на вид и выглядела тяжелым утюгом.

«Пятисотка, – мелькнуло в голове Бориса, – на ней особо не разгонишься, а вот грузоподъемностью она покруче наших. Так, значит, мы догнали команду иностранцев. Пять лодок рыбаков, а одна – облуги».

Он причалил рядом, следом за ним остановились Женя и Степа. Увидав лодки, Евгений заволновался:

– Это иностранные рыбаки. Боря, давай встанем подальше от них. Зачем нам неприятности? Завтра кто-нибудь доложит чекистам, что мы с ними общались. А по их логике они нас завербовали, значит, мы продали иностранцам какие-то секреты. С некоторых пор я стал опасаться этих кураторов.

– Тут больше негде. Они нам не помешают, в тайге места всем хватит. А чекистов тут нет.

Каково же было удивление Бориса, когда рядом с зимовьем он встретил сотрудника картографических фондов геологоуправления Василия Селиверстова. Увидев их, он ничуть не удивился, как будто расстались они только вчера.

– Мужики, привет! – поздоровался он с улыбкой на лице. – Вот так встреча! От этих геологов никуда не спрячешься, везде найдут.

– Какими судьбами? – спросил его Борис, рассматривая Василия. Вместо строгого костюма с рубашкой и галстуком, в каком он привык его видеть в здании своей конторы, на нем был новенький геологический костюм, похожий на те, в каких были ребята. В отличие от них он щеголял в куртке с цветной ромбовидной нашивкой геологической службы на рукаве, а они были в футболках с коротким рукавом.

– Я тут иностранных рыбаков обслуживаю. Так сказать, состою в группе поддержки, помогаю по хозяйству, ставлю и снимаю лагерь. Короче, плетусь в обозе. Эти рыбаки приехали к нам поймать тайменя. Тур называется «В Сибирь за тайменем». Звучит?

– Весьма заманчиво...

– Какие люди, и, главное, где! В глухомани, где человека не увидишь, – сказал подошедший Евгений. Как старого знакомого, он его обнял и по-дружески похлопал по плечу. – Я вижу, ты неплохо устроился. И заодно, наверно, присматриваешь за рыбаками, а то они всю нашу рыбу выловят да еще прихватят что-нибудь другое.

Василий сразу стушевался и, отмахиваясь от комаров, тихо произнес:

– Давайте, мужики, договоримся так. Вы меня тут не видели и не знаете, а я – вас. Идет? Оба молча кивнули головой, понимая, что по долгу службы о его задании иностранцы не должны даже догадываться.

– Кроме вас двоих, ни с кем я не знаком. Со своими студентами об этом даже не говорите. Чтобы сменить тему разговора, Евгений спросил о рыбалке.

– Рыба, конечно, ловится, но в основном ленки и хариус. А вот тайменя нет. Пока никто не поймал. Рыбаки уж все наживки перепробовали и хоть бы одного вытащили на берег. А они, я вам скажу, профессионалы в этом деле и экипированы по высшему разряду. Удочка не удочка, спиннинги, каких я даже не видел, наборы блесен, ну и всякие там при-бамбасы вроде хитрых приманок, глубиномеров, безынерционных катушек фирмы «Daiwa» и «Shimano» с фрикционным тормозом, кроме того у них есть наборы разных крючков и тройников, джиг-головок и искусственных мышей.

Евгений вспомнил, что он ловил рыбу простой бамбуковой удочкой и обычным спиннингом с большой катушкой, называвшейся «Невской». Были у него и самые простые покупные блесны. И самое интересное, что без рыбы он никогда не приходил, правда, таймень ему ни разу не попался.

– А что их вдруг потянуло на тайменя, да еще в Россию? – поинтересовался Борис. – Что, такой рыбы нет поближе?

– Это же самый крупный представитель семейства лососевых, – не задумываясь, как по писаному, ответил Василий. – В длину таймень достигает двух метров и весит 60–80 килограммов. Причем большая часть ареала тайменя приходится на наши российские реки. По литературным данным, до 85 процентов. Этот тигр, как его называют за бугром, встречается от Предуралья до восточной Якутии и юга Дальнего Востока. А для настоящих рыбаков самое главное – вытащить его из воды, потому что он борется до последнего. Говорят, что взрослый сибирский таймень может ударом хвоста выбить человека из лодки или серьезно травмировать. Ловлю тайменя нередко сравнивают с охотой на медведя или тигра, поэтому для любого рыбака поймать его очень престижно.

Борис почесал затылок. Он слышал о таймене, но никогда не задумывался, что это сильный хищник, которого непросто поймать.

– Но у меня такое впечатление, что тайменей тут нет, – усмехнулся Евгений. – Вы просто обманули иностранцев. Заманили их сюда и на халяву захотели заработать.

От его слов Василий покраснел и непроизвольно замахал рукой. Весь его вид выражал возмущение, будто его прижали к стенке и он пытается выкрутиться.

– Да ты что, Лебедев, псих, что ли?! Да их тут море! Мне рассказывали, что в прошлые годы без тайменя отсюда никто не возвращался. Тут водятся такие крокодилы, что их из воды не выдернешь. Приходится стрелять из ружья.

Подшли Бэла со Степой и стали внимательно слушать. До сих пор никто из геологов их отряда не поймал ни одной рыбки, ссылаясь на то, что пока некогда заниматься рыбалкой, или говорили, что рыбы тут мало, поэтому придется потерпеть до первой стоянки на Алдане.

– А в какое время года это было? – спросил Евгений Селиверстова.

– Какая разница?

– Большая.

– Скорее всего, рыбачили они в конце лета, когда геологи возвращаются с полевых работ.

– Вот то-то и оно, – покачал головой Евгений. – В это время вода в реке остывает, и рыба спускается с верховьев. А сейчас вода уже нагрелась, поэтому оставшихся в реке тайменей можно найти только в глубоких ямах, где бьют ключи, или возле устьев ручьев с холодной водой.

– Женя, эти рыбаки не глупее тебя. Там они, видно, и рыбачат. Но не везет им, понимаешь? Один раз у старика таймень зацепился, но сильным ударом своего мощного хвоста порвал у него леску с титановым поводком. Сейчас он поставил самую толстую, но после этого как отрезало.

Что такое везение, когда просто так идет тебе все в руки, Евгений знал хорошо. Своих родителей он не помнил, воспитывался в детдоме, а потом жил и учился в интернате. После службы в армии поступил в университет. И везде улыбалось ему счастье. Неожиданно для всех

он окончил школу с медалью. Но, вместо того чтобы поступать в институт, пошел в армию. Решил проверить себя на прочность. И снова ему повезло: попал в ракетные войска. Там он приобщился к радиоэлектронике и после армии легко поступил на геофизический факультет университета, куда был «бешеный» конкурс. А после университета его распределили в научно-исследовательский институт, но Евгений захотел поехать в Якутию, и ему пошли навстречу...

На берегу реки слышались голоса, и Борис спустился вниз. Возле их лодок стояли пятеро мужчин в камуфляжных костюмах и, показывая на их резинки, о чем-то оживленно говорили по-немецки. Он понял, что это и есть те самые иностранные рыбаки, которые приехали на рыбалку в Россию. На вид им было более сорока, только стоявший в центре был намного старше. Как понял Борис, это у него сорвался таймень. В руке у одного рыбака он увидел большого ленка.

– Гутен таг, – не доходя до них, громко поздоровался Борис.

Рыбаки повернули головы и ответили на его приветствие. На их лицах можно было прочесть удивление, перемежающееся с любопытством. Откуда, мол, ты тут взялся? Здесь наш табор. Вспоминая, что знал из школьной программы, Борис рассказал о своем небольшом отряде. Говорил, по-видимому, он неплохо, раз они его поняли и тут же стали задавать вопросы, на которые он без труда отвечал. К нему подошел плотный мужчина в черной футболке, протянул крупного ленка и, к его удивлению, заговорил по-русски:

– Забирай! Сейчас поймал, замерил все параметры и сфотографировал. Не хочу пускай опять в речка, лучше съешь со свой команда.

Мгновенье Борис смотрел на него с удивлением, потом быстро нашелся и сказал:

– Зачем отдаешь? Мы сами наловим. У нас тоже есть спиннинги.

– Мне не нужен рыба, только спортивный интерес, чтобы почувствуй свой сила. Он сильный, а я сильней. Он упираться, не хочет выходить из вода, а ты его тянешь и говоришь ему: «Раз ты попался на мой крючок, никуда не уйдешь. Человек есть сильней тебя, человек есть самый сильный. Я могу сделай все, что хочу». Рыбалка дает подтверждений свой сила.

– Ну, раз тебе не нужна рыба, я, конечно, возьму. Спасибо! Мы из нее сварим классную уху, это же ленок, благородная рыба. А ты, если хочешь показать свою силу, – поезжай в Африку охотиться на львов или крокодилов. Им доказывай, что ты сильней.

Передав рыбу, тот засмеялся и, скрестив руки на груди, приподнял короткие рукава на рубашке. Борис увидел синие наколки на предплечьях. На одной был изображен круг с изогнувшимся скорпионом и широким мечом, на другой – голова льва с оскаленными зубами.

– Меня зовут Ганс. – Он протянул руку, и они познакомились. – Я уже был в Африка, служил Французский легион. Понимаешь, я не есть охотник, я не есть зольдат. Оружий не люблю. Я есть фишер, рыбак, значит, – перевел он. – Рыба настоящий мой страсть.

Борис смутно представлял, что из себя представляет Французский легион, но спрашивать не стал и, чтобы поддержать разговор, сказал:

– Значит, тебе надо ловить акул на море. С ними ты точно проверишь свою силу.

– О-о, морской рыбалка – это есть особый разговор. Там есть свой специфик. Чтобы поймал большой рыба, нужен специальный снаряжений, лучше, если есть свой катер или яхта и команда помощник. Можно ловить рыба и с берега, но на море интересней с лодка. Все равно морской рыбалка – это пассивный ловля, а на реке я в постоянный движений. Я чувствую земля, вижу берег, река. Мой стихий – земля и вода. А самый главный момент для меня – дикий место, где нет людей. Я так и думал, что Сибирь – это бескрайний тайга и нигде нет человек. Только медведь и волк ходят вокруг. Попасть такой тайга – это есть настоящий экстрим. От одной мысль, что ты в настоящей тайга, сердце колотит бам, бам, бам. И у нас дома все так считай. Поэтому даже то, что я поехал Сибирь, вызывай уважение и страх. В глазах свой родственник и знакомый я есть настоящий герой. Кто из них побывал тайга? Я думаю – никто. А я сюда приехал, посмотрел и даже подышал запах старый дикий лес.

Геологи разгрузили свои лодки и недалеко от зимовья, в котором остановились иностранцы, поставили свою четырехместную палатку. Как и хотел Борис, она расположилась на высокой террасе, входом к реке. Над крышей нависали лохматые лапы старых елей, а рядом, как будто поделив территорию с иностранцами, стояли высокие лиственницы.

Вечером все собрались у костра. С помощью Василия, оказавшегося неплохим переводчиком, поговорили о тяжелой работе геологов, и Борис подарил всем рыбакам по кристаллу горного хрусталя. После этого рассказал о его магических свойствах. Немцы были растроганы и в знак благодарности пожали ему руку.

– Ты есть настоящий друг, – встав рядом с Борисом, сказал старший из них. Сейчас он был в спортивном костюме и в темно-синих кроссовках с белой отделкой фирмы Adidas. – Мы благодарны за подарки и за то гостеприимство, с каким вы нас встретили. Честно, вначале я боялся сюда ехать, но Ганс меня убедил. Ганс настоящий путешественник, сильный человек и хороший рыбак.

Потом они узнали, какое впечатление произвела на немцев якутская тайга, и, к своему удивлению, услышали не самые лестные слова о стоянках охотников. Они сказали, что везде, где они останавливались, было много мусора и даже валялись консервные банки, какие-то кости и полиэтилен. Как старший по возрасту слово взял Евгений и рассказал об охотниках, их непростой повседневной жизни и быте.

– В такой избушке охотник живет зимой, когда вокруг лежит снег, а летом там никогда не бывает, поэтому он не видит того, что осталось после зимовки. Весной, вы сами знаете, когда сходит снег, даже в городе грязно. Если бы охотник попал в свое зимовье сейчас, конечно бы все убрал.

После его слов немцы по-другому посмотрели на проблему экологии в местах стоянок охотников и сказали, что раз тайга является достоянием народа, то местные власти должны о ней заботиться и поддерживать порядок.

Камрад Ганс

За разговором с Гансом Борис провел полвечера, сидя вдвоем на берегу реки. Ему стало интересно, кто тот пожилой мужчина, у которого сорвался таймень, и он его похвалил. Потом Ганс несколько раз к нему подходил, и они о чем-то говорили. Поглаживая курчавые волосы на голове, Ганс задумчиво ответил:

– Это есть Карл, фатер мой жена Марта. Ее отец, – уточнил он по-русски. Он сильный рыбак. Карл был много стран и всюду ловил разный рыба. Был даже на Амазонке, в Бразилии. Там он поймал пиранью и арапайму. Пиранью все знают, а про арапайму, я думаю, ты даже не слышал. Это очень крупный пресноводный рыба размером до трех метр и вес до 200 килограмм. Такой арапайму Карл не поймал, вытащил только больше метр длиной, семьдесят пять килограмм. У него в доме есть фото...

– Круто! О такой рыбе можно мечтать. Как я понял, Карл твой тесть.

– Я, я, он мой тесть. Карл очень богатый человек. У него свой большой пекарня. Werk – завод по-русски, – добавил он. – Много людей там работай, и я с женой тоже работай.

Борис уважительно посмотрел на Ганса. Первый раз в жизни он встречался с состоятельным иностранцем и разговаривал с ним о жизни.

– Значит, ты тоже богатый человек. Наверно, совладелец или, как это по-вашему, – акционер и у тебя своя доля в этом бизнесе.

– Найн. Карл свой бизнес никого не пускай, даже свой родной дочь. Мой Марта арендует отец магазин, хозяйка там. Как я сказал, я тоже работаю у него и за свой труд получаю зарплата. Небольшой зарплата, – добавил он с унылым видом. – На этот поездка я сам накопил деньги. Это есть мой деньги: ни Карл, ни Марта – сам заработал.

– А что ты делаешь, кем работаешь?

По его представлению отец жены должен помогать молодой семье и продвигать ее мужа, чтобы в их доме был достаток.

– Я помощник менеджер, вожу продукцию пекарня в магазины, офис, школа.

«Странно, – подумал про себя Борис, – наверно, привирает, не хочет говорить, что он тоже крутой».

– У вас какие-то ненормальные отношения, каждый работает на себя. Тесть, имея большие деньги, не делится с твоей семьей?

– Найн. В Германии так принято: каждый отвечает сам за себя. Зато я независимый человек – никому ничем не обязан. Это дорого стоит.

– Согласен. Твоя свобода дорого стоит, но мне это непонятно. По моим понятиям у вас должны быть более близкие отношения и общие интересы.

Ганс подобрал камешек и бросил его в воду. Тот долго скакал по поверхности реки и возле противоположного берега пошел на дно. Рыбак удовлетворенно хмыкнул.

– Камрад, а что ты не спрашиваешь о других моих коллегах?

– Камрад Ганс, – в тон ему ответил Борис, – может, и спросил бы, но ты меня опередил. Правда, а кто они?

Ганс доброжелательно похлопал его по плечу, и Борис почувствовал его тяжелую руку.

– Гюнтер – имеет свой магазин обувь с большой ассортимент товар. У Мартин есть свой типография. Издает книги и альбомы с офсет печать. Красивый цветной альбом. Один мне даже подарил. – Он поднял вверх большой палец. – Мартин есть добрый человек. Бернд, лысый человек, который голова прикрывает мексиканский сомбреро, служит какой-то фирма. Он есть дер шеф. А Гюнтер имеет пять свой грузовой автомобиль. Тоже состоятельный человек. Самый бедный в команда рыбаков – это есть я. Может, и я бы стал таким же богатым, как они, но помешал мой детский увлечений армия. Я тебе уже говорил, что служил Французский легион

в Африке. Был в Ливане, Конго, Французской Гвиане, Кении, Танзании и даже поднимался гора Килиманджаро. Я хотел повторить путь отца – офицера вермахта. Он погиб под Курском в сорок третьем. Вначале воевал под командованием генерал-полковника Гудериана, а в последние годы командовал моторизованным полком в составе двадцатой танковой дивизии генерал-майора фон Кесселя.

Война отразилась на судьбе не только жителей Советского Союза, но принесла горе в семьи немецких оккупантов, которые хотели завоевать нашу страну и поработить ее народ.

– Мой отец также был кадровым офицером, – с гордостью сказал Борис. – Он прошел всю войну, был дважды ранен. После демобилизации работал в райкоме, потом с семьей переехал на Сахалин. Я тоже там жил, ходил в школу. Когда отец вышел на пенсию, мы вернулись на его родину в город Орел. Но до нашего времени он не дожил.

Оба замолчали. Стало слышно, как на перекате шумит река и в заводи у берега плещется мелкая рыбешка.

– В Африке я пробовал ловить рыбу, – нарушил молчание Ганс. – Понравилось. И вот так я стал рыбак. Благодаря Карлу я познакомился с его дочь Марта. А еще я катаюсь на горных лыжах в Альпах. Это тоже дает мне жизненный энергия, адреналин. Борис, ты есть очень добрый человек, или, как это лучше звучать, ты есть щедрый человек.

– Почему ты так решил?

– Ты сделал всем очень дорогой гешефт. У нас никто бы так не поступил – наш народ есть практик.

– Я подарил от чистого сердца в знак нашей встречи, ну и чтобы вы знали, что такие самоцветы есть в нашей тайге. Как раз мы едем за ними.

С детства в его характере была такая черта – делиться со своими друзьями. И совсем не из-за того, чтобы они к нему лучше относились, а потому что радость, которую те испытывали от его подарка, приносила ему гордость за свой поступок.

– А что можно сделать тот кристалл горный хрусталь? – с заинтересованным видом спросил Ганс.

– Вообще его лучше оставить таким, каким создала природа. Кристалл горного хрусталя сам по себе красивый: прозрачный длинный шестигранник. – Он показал руками его форму, сверху которого разместился довольно забавный домик. – При желании из него можно сделать вставки для ювелирных украшений, то есть использовать для огранки. А еще спилы горного хрусталя можно применить для флорентийской мозаики, которой я мечтаю заняться в будущем, чтобы показать красоту разных минералов и горных пород в каменных картинах.

Борис рассказал, что при геологическом музее, где он работает, есть камнерезная мастерская, в которой делают сувениры, а перед отъездом он закончил шахматную доску из самоцветов. Ганс расспросил про разные камни и поинтересовался ценой изделий. Ответом геолога он остался доволен.

– Если применять определенные методы облагораживания, – стал развивать свои мысли Борис, – то горный хрусталь способен изменить окраску на желтую, дымчатую и даже на черную. А вот аметист при нагревании выцветает и становится серым. Вообще при термообработке можно улучшить окраску разных минералов.

Ганс ушел в себя и задумался. У Бориса возникло впечатление, что он его утомил и тот думает о чем-то своем, далеком от этой темы. Вдруг Ганс встрепенулся, словно после сна, и заговорил:

– Ты знаешь, в Танзании и в Кении я встречался с воинами племени масаи. Это есть кочевой народ, можно сказать, дикари. Они живут так же, как жили их предки тысячи лет назад. Существуют масаи за счет скотоводства, огонь добывают трением и практически не используют то, к чему привык современный люди. Когда-то давно масаи населял большой территория африканский континент на восток. Постепенно их вытесняли со своих земель, и теперь тер-

ритория их расселения сильно сократилась. Она расположена по обе стороны границы между Кенией и Танзанией. Люди этого племени отличаются своим необычно высоким ростом, часто превышающим два метра. Масаи сильные воины, хорошо владеют мечами, копьями и луками. Когда первый раз я их увидел, сразу понял, что с ними лучше не ссориться – оружие может не помочь.

«При чем тут эти дикари? – зевнув, подумал Борис. – Наверно, надо идти к своим, будем готовиться ко сну».

Немец, будто угадав его мысли, попросил немного потерпеть.

– Ты знаешь, почему я вспомнил про воин этот необычный племя?

– Нет, – покрутил он головой.

– На горном плато, где перед нами стояли масаи, я нашел кучу каких-то серых, даже коричневатых, камней. Ничего из себя они не представляли: камни как камни. Мы выставили охрану и остались на том плато ночевать. Разожгли костер, чтобы подогреть свои консервы, и только собрались поесть, как подул ветер и огонь перекинулся на сухую траву. Еле его потушили. Потом принесли камни и обложили ими костер, чтобы самим не сгореть. Какие-то камни угодили в огонь. А утром я увидел, что камни из костра стали голубовато-фиолетовыми и ярко-синими. Никто из моего подразделения не обратил на это внимания, а я заинтересовался и взял один камушек себе. Когда приехал домой, хотел его показать Марте, да куда-то забросил, а потом о нем забыл. Теперь вот вспомнил о том случае. Как ты думаешь, что это может быть? – выжидающе посмотрел он на Бориса.

– Да кто его знает, – не вникнув в суть его рассказа, – нехотя бросил Борис. – Может, стекло от бутылки расплавилось. Или что-то другое там оказалось.

– Да нет, стекла там не было. Это абсолютно точно. Там были только те камни, которые мы бросили в огонь.

– И что, они изменили окраску?

– Я же тебе об этом и говорю. Они стали синими и прозрачными. И еще они очень твердые. Один камень я хотел поцарапать острым стальным ножом, он не поддавался.

– Камни стали прозрачными и синими, да еще они твердые, – как за какие-то волшебные слова, ухватился Борис. – А ты не ошибаешься?

– Конечно, нет.

– И главное – они стали синими?

– Точно: синими, голубыми и ярко-синими.

– Ну тогда это меняет картину. Что я могу тебе сказать? Я уже говорил, что при термообработке некоторых минералов изменяется их окраска. А такой синий цвет может получиться, например, от прокаливания цоизита. Это силикат кальция и алюминия. В его составе есть актинолит и хлорит. Цвет цоизита как раз серый, но он может быть бурым, зеленым и даже красным. Твердость у него шесть, значит, ты его точно не мог поцарапать ножом, даже хорошо закаленным. Знаешь, если те камни стали прозрачными, значит, их можно гранить и применять для ювелирки. Понимаешь, что это значит?

– Пока не совсем.

– Это значит, они могут стоить приличных денег. Тем более у них цвет, как у сапфира. Знаешь, что я тебе посоветую: быстрее лети в Африку и застолби тот участок, где ты нашел эти камни. Возьми на него лицензию. В любом случае ты не прогадаешь.

Ганс грустно усмехнулся.

– Борис, ты шутишь. Сейчас у меня нет таких денег. А дорога...

– Одолжи у своего тестя под проценты, возьми кредит или продай что-нибудь, – резко отреагировал Борис. – В любом случае ты быстро вернешь свои деньги. Только не теряй время. Если не сможешь застолбить участок, так хотя бы привези побольше этих камней.

Ночь была тихой и светлой. Сквозь облака проглядывала беззаботная луна, не причиняя никому хлопот и радуя своим чистым, бархатным светом. В тайге стояла полная тишина, спокойствие исходило от деревьев и от всего, что их окружало. В заснувшей тайге перемешались запахи лиственниц и елей, каменистой земли и речной воды. Опьяняющее благоухание дикой природы завораживало и успокаивало. После дневного сплава и вечерних посиделок лагерь геологов и рыбаков поглотила тайга.

Истоки

Под впечатлением разговора с Гансом Борис долго не мог заснуть. Пока все не уgomонились, он тихо лежал в своем спальнике на спине и думал: «А вдруг это не то, что я думаю? Тогда я подставлю Ганса на приличные деньги. Все-таки это цоизит, – перебрав в памяти все похожие минералы, пришел он к заключению, – я им занимался в университете. Я думаю, Ганс не дурак. Если у него остался кусок камня, он его исследует и после этого сам примет какое-то решение».

Он немного успокоился, стал искать удобное положение и закрутился как уж на сковороде. В конце концов, он вылез из палатки и сел возле потухшего костра. Под обрывом клоками висел сизый туман, сквозь него едва просвечивала черная вода в реке. Вдали туман сливался с серым, будто посеребренным, заснувшим лесом. Борис оживил костер, пламя и дым потянуло вниз по течению. Мыслями он вернулся к рассказу Коршака о спрятанной на Барсуке дружe.

«А если мы ее не найдем? – подумалось вдруг. – Вот будет история с трагедией. Кто-то посмеется, а мне хоть домой не возвращайся. С тех пор прошло больше чем полста лет. За это время те ориентиры, о которых сказал Коршак, могли исчезнуть. Вроде одна примета там „железная“, думаю, при любом раскладе она должна остаться. Хотя...»

Из-за облаков выглянул бледный узкий серп рождавшегося молодого месяца. Возле зимовья с рыбаками зашуршала бумага и прошлогодняя листва. Борис топнул ногой, сразу наступила тишина. Невольно он подумал о Гансе, заинтересовавшемся обработкой камней, и вспомнил, как у него все начиналось.

В первый рабочий день в геологическом музее Коробков обошел с ним все рабочие кабинеты и познакомил с сотрудниками своей организации. Привел его и в «камнерезку», как все называли камнерезную мастерскую. В ней работали три мастера, в свое время трудившиеся геологами и не раз ходившие в экспедиции. Командовал этим непростым хозяйством Владимир Иванович Волченко, бывший директор геологического музея, а в прошлом начальник крупной геологоразведочной партии. Его отчет о результатах государственной геологической съемки двухсоттысячного масштаба территории N-го листа хранился в региональных геологических фондах управления. По этой работе можно было заключить, что был он неплохим специалистом. Однако предпринимательская жилка коренного одессита пересилила любовь к геологии. Еще будучи студентом института, он возил в Одессу фрукты из более теплых краев и продавал. Возможно, это помогло ему закончить вуз, но о своей учебе он никогда не вспоминал. Зато часто говорил о том, как после института подрабатывал фотографом на городских пляжах. Для этого он привез из столицы дефицитную широкоплечную «Москву» и благодаря этому снова оказался «на плаву».

Владимир Иванович был крупным пожилым человеком с трясущимися руками. Все свободное, да и практически все рабочее время он проводил в мастерской. Делал сувениры для презентов высокому начальству и разным проверяющим. В фантазии ему не откажешь: среди его продукции были небольшие шкатулки из цветных камней, подставки с рисованными картами Якутии на белом мраморе, наборы самоцветов региона и прочая мелочовка.

Его правая рука, Павел Зарубин, до мастерской работал в геологоразведочной экспедиции, где занимался геохимическими поисками золоторудных месторождений, был ответственным исполнителем научно-исследовательской работы и руководил небольшим отрядом геологов. Павел слыл крепким хозяйственником и «рукастым» молодым человеком. Это определило его дальнейшую судьбу. И, наконец, третий сотрудник мастерской – тезка Кузьмина, Борис Михайлович Леонтьев, высокой худощавый мужчина предпенсионного возраста, до недавнего

времени работал в АУПе экспедиции техническим руководителем. По сравнению со своими коллегами был он постоянным учеником, слабо осваивающим азы производства.

По долгу службы Борис каждый день приходил в камнерезку и между делом присматривался к тому, что делают мастера и на каком оборудовании работают. А станки были самыми примитивными, разработанными и сделанными руками Владимира Ивановича. Собрал он их из металлолома, найденного на свалках и деталей, купленных у мастеровых людей. Самой сложной в камнерезке была маятниковая пила, предназначенная для распиловки каменных глыб на «фанеру», как мастера называли пластины. Они служили основой всех камнерезных изделий, которые они выпускали. Шлифовальные и полированные станки были намного проще, но для них нужны были чугунные круги, которые по его чертежам выточили в мастерской. Кроме станков нужны были разные камни, абразивные порошки и другие расходные материалы. Все это тянул на себе и контролировал начальник мастерской. Был он человеком прижимистым, и просто так получить у него даже допуск к оборудованию было непросто.

Разобравшись в технологии изготовления каменных поделок, Борис захотел сам освоить это ремесло и постепенно стал «внедряться» в мастерскую. Сначала приходил в обед, а потом стал оставаться после работы. Первое изделие, которое он сделал своими руками – прямоугольная пластинка, которую выпилил с помощью начальника мастерской из каменной глыбы чароита. Потом он ее отшлифовал на чугунном круге, на матовом стекле подготовил к шлифовке и довел до блеска на полировальном станке. После того как он освоил изготовление плоскопараллельных пластин, переключился на изготовление камнерезных вставок для ювелирных украшений. Для этого надо было прямоугольную или квадратную заготовку из самоцветов наклеить на державку, выточенную из дерева по форме будущего изделия, и закатать до получения сферической поверхности. А следующим этапом стала шкатулка. Тут он вспомнил, чему его учили в кружке «Умелые руки», куда он охотно ходил в детстве. Вместо шкатулки у него вышла прямоугольная коробочка, и, к удивлению Владимира Ивановича, отступив от верха сантиметра два, он ее распилит. Получилась крышка, которую не нужно было подгонять по длине и ширине.

Однажды Борис принес красивый розоватый камень и отдал его Владимиру Ивановичу. Тот покрутил его в руках и вернул.

– Для чего он мне? Забирай и такого барахла сюда не приноси.

Недоумевая, он пожал плечами.

– Какое же это барахло? Его можно использовать для поделок. Ну, например, для кабашонов или даже для какой-нибудь шкатулки.

– Да ты что, Боря, смеешься?! – хмыкнул тот сердито и, покачав головой, стал рассказывать: – Понимаешь, любой камень для камнерезки должен быть с афанитовой или тонкозернистой структурой.

В глазах Бориса на мгновение проскочила тень сомнения. Сразу вспомнились занятия по петрографии, когда под микроскопом он описывал горные породы.

– Короче, если ты забыл, я напомним. Камень должен быть скрытокристаллическим. Вот на, посмотри. – И он передал ему первый попавшийся под руки образец, лежавший на столе.

– Это агат, – выпалил Борис, не задумываясь. – С концентрическим рисунком, а на подоконнике – косослоистый. Вот этот, – показал он на тонкую коричневую пластинку, выпиленную из камня, – сердолик.

– То, что это агат, любой дурак знает, а я тебе показываю не сам камень, а его структуру. Видишь, она скрытокристаллическая, во внутреннем строении нет зерен. Разве что мы их сможем увидеть только под микроскопом при большом увеличении.

Борис сразу понял и на всю жизнь усвоил, какие камни нужны для камнерезных изделий. После этого он обстоятельно проработал книгу «Поделочные и ювелирные камни» Евгения Киевленко. А напоследок с трудом выпросил у Владимира Ивановича «Руководство по обра-

ботке драгоценных и поделочных камней» американского геммолога Джона Синкенкеса. За три дня, которые ему отпустил камнерез на знакомство с ней, он разобрался даже с огранкой. Теперь, когда он освоил основные операции, можно было приступать к более сложным изделиям, но нужна была практика. И скоро такой случай представился.

К нему обратился постоянный заказчик Владимира Ивановича, которого все хорошо знали. Он предложил сделать ему шахматную доску из чароита. До этого мэтр камнерезного дела изготовил две доски из разных камней. Борис видел последнюю. Была она довольно большой и походила на толстую столешницу с выдвигаемыми ящичками для фигурок. Клеточки, собранные из белого мрамора и темного доломита, со всех сторон ограничивало поле темно-зеленого нефрита. Им же были облицованы боковые стенки. Доска смотрелась довольно представительно, но общее впечатление снижали неплотно подогнанные клеточки, между которыми виднелись швы. Кроме того, белый мрамор забился при полировке двуокисью хрома и получился с зеленовато-серым оттенком. Все это портило товарный вид дорогой шахматной доски. Возможно, поэтому заказчик и обратился к Борису. Вначале тот отказался, сказав, что никогда этим не занимался.

Однажды ночью ему привиделся старец, собиравший на внешней стене храма мозаичное панно с изображением Божией Матери. Был он с длинной бородой в светлой льняной рубахе, поверх которой надет черный фартук. Старец подбирал плитки камней и складывал их на земле, а потом переносил на стену. Он несколько раз спускался с лесов вниз и перебирал всю гору камней, крутил в руках большие куски и клал их обратно. Потом Борис услышал, как он цокает языком и причитает: «Что же делать, что мне делать? У меня нет камня фиолетового цвета. Всего одного камня-то и не хватат. Вот беда-то какая! И взять его негде. Такого камня я никогда не видел, значит, нет его в природе. А жаль! Придется туды вставлять аметисты. Однако будут они шибко блестящими и привлекать к себе внимание, но другого камня у меня нет. Я уже говорил об этом батюшке, а он ответил, что передал мою просьбу самому архиепископу. В поисках такого камня тот отправил своих людей по всем городам и весям. Однако ж все воротились с пустыми руками. Бог создал нашу Землю, поселил на ней людей и всякую тварь, а вот про такой камень забыл. Нет такого камня на всем белом свете».

От этих слов Борис проснулся.

– Как нет такого камня? – заговорил он спросонья. – Есть такой камень – это чароит. Открыт он в наше время в бассейне реки Чара. По ней и дали ему такое название. У чароита больше ста оттенков: он может быть и светло-сиреневым и густо-фиолетовым. Вот такой это чудо-камень! Правда, создали из него не так много изделий, поэтому люди о нем почти ничего не знают.

Неожиданно для всех Борис согласился сделать шахматную доску. Волченко как мог его отговаривал, пытался убедить, что ничего у него не получится. Говорил, что переведет тот камни, убьет свое время да еще подведет заказчика. Но Борис от своего не отступился, и на зависть всем мастерам шахматная доска получилась лучше, чем у Владимира Ивановича.

Метеостанция

На следующий день геологи вышли на большую реку и остановились возле устья. Схватив свой побитый спиннинг, Евгений побежал вдоль берега. Борис стал рыбачить на удочку. После очередного заброса леска Жениного спиннинга натянулась, затрещала катушка. С трудом он подтянул рыбу к берегу.

– Мужики, есть тут, оказывается, таймени! – закричал он от радости. – Помогайте вытаскивать. Борис, неси ружье! Давай быстрее, а то уйдет, – разнеслось по лесу и следом последовало громкое «Ура-а-а!». Когда таймень оказался на берегу, то по примеру немецких рыбаков Евгений его поднял над головой и сфотографировался. Страшная пасть рыбы смотрела прямо на него, а хвост доставал до пояса.

– Сейчас я его сразу разделю и посолю, а из головы вечером сварим уху.

Солнце припекало, на берегу нагрелись даже камни, а от черных резиновых сапог веяло теплом. Когда стало нестерпимо жарко, геологи отправились дальше.

Издалека Борис заметил, что над рекой что-то нависает. Было такое впечатление, будто кто-то перекинул толстый канат или трос. Подойдя ближе, он увидел, что это не канат и не трос, а настоящий подвесной мост, когда-то служивший, чтобы переходить через реку. С двух тросов, натянутых параллельно, сверху на равном расстоянии спускалась ржавая проволока, загнутая внизу буквой «П». На ней кое-где лежали полусгнившие короткие доски, выстилавшие основание моста. Мост представлял собой жалкое зрелище: над серединой реки часть досок слетела, их, видно, снесло во время паводка или они сгнили от времени. Возле берегов доски оторвались и теперь болтались, раскачиваемые ветром.

За рассмотриванием моста Борис чуть не проскочил причал к тому месту, откуда начинался подвесной мост. Если бы не возглас Бэлы, наверное, так и было бы. Он резко крутанул правым веслом, и лодка повернула к берегу. Причал представлял собой заводь, которая чуть вдавалась в довольно пологий берег. Вдоль него рос высокий кустарник, поэтому с середины реки заводь почти не просматривалась. Когда он причалил, то увидел дома, стоявшие на высокой террасе, поднимавшейся к сопке. Это и был заброшенный поселок Тит, в котором обосновались метеорологи со своим хозяйством. О том, что поселок обитаемый, говорила вытоптанная тропинка, шедшая вверх, и дюралевая моторка «Прогресс», лежавшая в кустах. Мотора на ней не было, зато рядом с ней валялись весла. Борис причалил к берегу, привязал лодку за столб, служивший для этих целей, и вместе с Бэлой вышел на берег.

Вокруг стояла мертвая тишина: ни лая собак, ни звуков, какие бы говорили о жизни людей, они не услышали. Подождав подошедших геологов, все дружной командой поднялись по тропинке. Справа от себя они увидели огороженный пяточок земли с приборами для метеонаблюдений, а дальше – широкую улицу, заросшую травой. Как в большой деревне, по обеим сторонам стояли рубленые избы. Они почернели от времени, но некоторые выглядели довольно прилично, и даже можно было подумать, что они обитаемы. Слева, в конце безвестной улицы, прямо посередине расположился большой дом с оградой из дырявого штaketника. Во дворе валялась куча разного хлама, и аккуратной поленницей были сложены колотые дрова. Возле крыльца стояли резиновые сапоги и рейка с делениями. По всему было видно, что в этом доме живут. Не успели ребята обменяться своими наблюдениями, как из дома вышел мужчина в светло-синей клетчатой рубашке и в рабочих штанах цвета хаки.

– Кажись, геологи к нам пожаловали! – вместо приветствия сказал он, подняв руки вверх, как будто встречал самого Господа Бога. Он подошел ближе и всем пожал руку. – О-о, с вами даже девушка! Давно я не видел ни одной особы женского пола. Живем мы тут с Лехой вдвоем, словно затворники, и никого вокруг. Меня, кстати, во всей округе величают Бургомистром, поэтому пусть и для вас я буду мэром заброшенного поселка Тит, а по должности я начальник

метеостанции. В миру, вообще-то, я зовусь Александром Ширшовым. Леха сейчас на связи, вы его еще увидите.

– А почему у вас нет собак? – после знакомства спросил Евгений, хорошо знавший быт таежных людей.

– Были две рабочие лайки, да по весне их медведи извели. Слишком отчаянными оказались. А может, косялапы были более проворные. Осенью обещали щенка привезти. Ну, проходите, что стоите?!

– Да мы ненадолго, – скромно ответил Борис. – Нам бы где-нибудь остановиться на пару дней.

– Никаких проблем. Выбирайте любую избу, которая вам приглянется, – сказал он командным голосом. – Если шмотья много, то вам лучше ближе к берегу, а если хотите комфорт и простор, то можно в доме главного инженера или горного мастера. Изба начальника, к великому сожалению, занята – мы с Лехой в ней поселились, – улыбнулся он и от этого показался добрым парнем. – Так куда вас вести?

Посоветовавшись с Женей, снова пошли к берегу. По дороге Бургомистр провел экскурсию по заброшенному поселку. Показал вполне приличное длинное здание, в котором раньше был клуб. Возле него, как в прежние времена, стоял подрамник, сваренный из железных уголков, в который вставляли афиши кино и объявления. Увидели они и здания бывшего медпункта, магазина и почты, а также конторы геологоразведчиков, добывавших в этом районе горный хрусталь. Рядом с ней в палисаднике примостился длинный стол с двумя лавочками.

Дом, в котором они остановились, был построен из круглых лиственничных бревен. От времени, как многие другие, они потемнели и приобрели цвет мореного дуба. Но сам дом от этого не стал хуже и выглядел крепким и основательным. Сохранился даже навес над крыльцом, ведущим внутрь. Время не взяло и аккуратный штакетник вокруг небольшого палисадника, сколоченный также из лиственницы. Картину портила только густая трава, тянувшаяся вверх на некогда освоенных землях. Это придавало вид запустения и заброшенности.

Вечером все собрались возле бывшей конторы. Борис принес бутылку спирта и кружки, Евгений – недавно посоленного тайменя, Бэла поставила на стол уху. Увидав бутылку, Леха сказал, что спирт им самим пригодится.

– После ледохода нам привезли целый ящик водки, так что мы угощаем. Быстрее бы ее прикончить и забыть, что она когда-то была. А то эта водка сильно меня напрягает и...

– Меня тоже, – вставил напарник. – Постоянно думаешь о ней и мысленно ищешь какой-нибудь повод, чтобы выпить. Кроме основной работы мы зимой охотимся, а с весны рыбачим. Но таких тайменей давно не ловили. Повезло вам...

Когда все хорошо выпили, Борис еще раз рассказал о цели их визита, а потом Алексей принес гитару и, устроившись поудобней, тихо запел.

Четверть века в трудах да в заботах я,
Все бегу, тороплюсь да спешу.
А как выдастся время свободное —
На погост погулять выхожу.

Там, на кладбище, так спокойненько,
Ни врагов, ни друзей не видать,
Все культурненько, все пристойненько —
Исключительная благодать.

Нам судьба уготована странная:

Беспокоимся ночью и днем,
И друг друга грызем на собраниях,
Надрываемся, горло дерем.

– Это песня нашего знаменитого барда Михаила Ножкина, – резко перебрав струны, сказал он скороговоркой и продолжил:

А на кладбище так спокойненько,
Ни врагов, ни друзей не видать,
Все культурненько, все пристойненько —
Исключительная благодать.

Друг на друга мы все обижаемся,
Выдираемся все из заплат,
То за лучшую должность сражаемся,
То воюем за большой оклад.

Ах, семья моя, свора скандальная,
Ах, ты, пьяный, драчливый сосед,
Ты квартира моя коммунальная —
Днем и ночью покоя все нет.

А на кладбище так спокойненько
Среди верб, тополей да берез,
Все культурненько, все пристойненько,
И решен там квартирный вопрос.

– И так далее, – ударив по струнам, произнес Алексей нараспев. – Эта песня навевает грусть. А теперь я вам спою более пристойные песни о нашей жизни. И, посмотрев на Бэлу, запел:

Здесь лапы у елей дрожат на весу,
Здесь птицы щебечут тревожно —
Живешь в заколдованном, диком лесу,
Откуда уйти невозможно.

Пусть черемуха сохнет бельем на ветру,
Пусть дождем опадают сирени, —
Все равно я отсюда тебя заберу
Во дворец, где играют свирели!

Твой мир колдунами на тысячи лет
Укрыт от меня и от света, —
И думаешь ты, что прекраснее нет,
Чем лес заколдованный этот.

Пусть на листьях не будет росы поутру,
Пусть луна с небом пасмурным в ссоре, —
Все равно я отсюда тебя заберу
В светлый терем с балконом на море!

В каждый день недели, в котором часу
Ты выйдешь ко мне осторожно,
Когда я тебя на руках унесу
Туда, найти невозможно?

Украду, если кража тебе по душе, —
Зря ли я столько сил разбазарил?!
Соглашайся хотя бы на рай в шалаше,
Если терем с дворцом кто-то занял!

После этой песни Бэла резко поднялась и подошла к Борису.

– Борис Николаевич, можно с вами поговорить? – сказала она тихо, но все услышали.

– Я тебя слушаю.

– Но у меня, так сказать, личный разговор.

– Ну, если личный, тогда пойдем поговорим, – вставая, улыбнулся он. И они медленно удалились.

Их поглотила ночная мгла. На небе едва проглядывали блеклые звезды и молодая луна. Они шли по заросшей улице заброшенного мертвого поселения, в котором еще относительно недавно кипела жизнь. Тут жили люди, они женились, рожали и воспитывали детей. А теперь о том времени напоминали только пустые дома, из которых живым укором, покинувшим их людям, смотрели пустые глазницы разбитых окон. Весь уклад этого затерянного в тайге поселка геологоразведчиков был подчинен извлечению из земных недр прозрачных кристаллов горного хрусталя. В поисках этого диковинного камня геологи бродили по тайге, топографы составляли детальные карты, маркшейдеры закладывали горные выработки, проходчики и горняки пробивали штольни и добывали кварцевое сырье, которое обогатители доводили до кондиции. А потом все люди, принимавшие участие в добыче необходимого стране стратегического сырья, после отработки месторождения враз, будто навсегда, исчезли.

Борис видел, что Бэла выпивала наравне с мужчинами и понял, что сейчас она подшофе.

«Наверно, сейчас скажет о материале для своего диплома или о предстоящем распределении», – подумал он и был очень удивлен, когда она заговорила совсем о другом, о чем он не мог даже подумать.

– Борис Николаевич, вы мне очень нравитесь. Вы сильный и целеустремленный человек. Именно таким я представляла себе настоящего геолога. И самое главное, я уже поняла, что вы настоящий профессионал.

Борис попытался все свести в шутку, но не тут-то было. Бэла взяла его под руку и крепко прижала к себе. Борис подумал, что для нее это не просто пустые слова.

«Возможно, у нее еще не было парня – все свободное время она посвящала учебе, а сейчас оказалась в тайге и немного расслабилась. Вот и потянуло поиграть в любовь».

– Бэла, давай закончим этот разговор, – сказал он строго, понимая, что полевой роман со студенткой ни к чему хорошему не приведет. – Мы пошли в поле не для того, чтобы заниматься любовью, а чтобы работать. И, кстати, мы еще не сделали ни одного маршрута. Поэтому никто из нас даже не знает друг друга по-настоящему, а ты уже говоришь о моем профессионализме.

– Я вам сказала совсем о другом. Неужели вы меня не поняли?

– Я тебя хорошо понял, но давай поговорим на эту тему завтра, так сказать, на свежую голову, а сегодня я не в форме, да и ты, я вижу, тоже. Вообще, молодым девушкам не следует так пить. Это ни к чему хорошему не приведет.

Она хихикнула и, отпустив его руку, с вызовом сказала:

– Борис Николаевич, я учусь на геологическом и уже скоро стану геологом, а настоящий геолог должен быть крепким и выносливым, чтобы переносить трудности полевой жизни. А женщина-геолог обязана быть не слабее мужчин. Я поняла, вы не хотите ответить мне взаимностью. А зря! Я вас люблю...

Неожиданно она обвила руками его шею, и его губы обжег пылкий поцелуй. Бэла прижалась к Борису всем телом, и ему стоило немалых трудов, чтобы освободиться от ее объятий. Он отвернулся и посмотрел на девушку сбоку. При слабом лунном свете стал виден ее профиль с красивой головкой, свисающими до шеи светлыми волосами, полуоткрытым ртом и прямым, довольно крупным носом с легкой горбинкой, что придавало ей аристократическую изысканность. Но было в ее взгляде что-то дерзкое и вызывающее, выдававшее в ней честолюбивую личность, просчитывающую свои действия на несколько шагов вперед. Бориса бросило в пот, он покраснел, но в сумерках Бэла этого не увидела.

– Ты обо мне ничего не знаешь, а уже признаешься в любви, – ответил он, собравшись с духом. – Обычно это делают мужчины, а женщины терпеливо ждут объяснения. Ты же знаешь, что у меня есть жена. Я ее люблю, и она любит меня, поэтому заниматься любовными интригами я не собираюсь. Мой тебе совет: поищи себе другого мужчину. Вот, например, присмотришься к Степану. По-моему, он от тебя без ума.

– Это я и сама знаю. Что мне Степан?! Он... – На полуслове она остановилась и снова взяла Бориса под руку. – Я казачка, а мы от своего никогда не отступаемся. Зря вы так со мной обошлись. Я это запомню...

Она выдернула свою руку и, слегка покачиваясь, пошла обратно. Через некоторое время к компании присоединился и Борис. На столе добавилось пустых бутылок, а на гитаре уже играл Евгений. Увидав Бориса, он резко остановился и сказал, что Сашка Бургомистр был на Барсуке.

– Он нас проводит и покажет дорогу.

– Да, я хорошо знаю этот Барсук, – откликнулся Бургомистр. – Отсюда до него километров сорок пять – пятьдесят. С тремя перевалами. Один из Тита в долину реки Енюки, второй идет в долину Килеричи, в котором была первая база кварцевиков. Его в войну построили для разработки месторождений пьезосырья всего района. А этих месторождений там не меряно, вот одно из них – этот самый Барсук. Из Килеричи в него переваливает почти заросшая тракторная дорога. Я бы в этот Барсук никогда не попал, если бы не случай. А дело было так.

Он уселся поудобней, хлебнул чего-то из кружки и стал рассказывать:

– Передали мне утром по рации, что где-то километрах в десяти от заброшенного поселка кварцевиков сидит без продуктов директор «Самоцветов» и ему надо помочь. А дело было зимой, на дворе мороз под пятьдесят и туман, а в аэропорту, как назло, ни одного вертолета. То есть ни забрать его оттуда, ни подкинуть продуктов из города не могут. Что делать, я не знаю, ну, думаю, подожду до очередной связи. Может, к этому времени все рассосется или скажут более точные координаты. А то где его искать? Точно, часа через два меня вызывают снова по связи. В этот раз со мной разговаривает секретарь райкома и говорит примерно то же самое, мол, человека нужно спасти и, кроме меня, никто это сделать не может. Значит, мне надо срочно выдвигаться на его поиски. Потом он передал микрофон командиру вертолета, завозившего его на ту точку. И вот от него я и узнал, где находится этот Барсук. Оказывается, у директора там было охотничье зимовье. Во время отпуска его каждый год забрасывали вертолетом, и он там охотился в свое удовольствие. А тут случилось непредвиденное обстоятельство...

ство: шатун разграбил его лабаз с продуктами, и он остался без жратвы. Да еще и выходить из дома опасно, медведь может на тебя напасть. Вот по рации он и поднял всех на ноги. После связи я подготовил все необходимое: прицепил сани к «Бурану», погрузил в них продукты, верблюжий спальник, палатку, овчинный тулуп, охотничью печку, вооружился карабином и под впечатлением того, что человек помирает с голоду, рванул на этот Барсук. Мне бы, дураку, дожидаться утра, и тогда за световой день я бы спокойно доехал, а так случилась целая история. Только я перевалил хребет и попал в долину Енюков, как блуданул. Решил срезать и, вместо того чтобы поехать налево вверх по течению, свернул в другую сторону.

Он допил из кружки и закусил малосолевой рыбой. Не сговариваясь, все тоже выпили.

– Значит, еду я, а сам нутром чувствую, что пры не туда, – стал он продолжать. – Несколько раз я делал короткие остановки, чтобы убедиться, что еду куда надо. Мне бы сразу повернуть, а я доехал до бокового притока и только тогда сообразил, что заблудился. Вот тут я сразу развернулся и рванул назад. На этом потерял немало времени. Когда подъехал к исходной, откуда приехал, стало темнеть. Оттуда еще можно было спокойно вернуться домой и с утра начать все сначала, но разве меня остановишь – сам ищу себе приключений на одно место. Проехал еще пару километров – и совсем стемнело. Думаю, что же делать? По темноте ехать вперед, не зная дороги, – в лучшем случае можно опять заблудиться, а в худшем – куда-нибудь влететь и разбиться. А мороз давит. Сбавил я скорость, включил фару и потихоньку двигаюсь вперед, а у самого голова кругом, и одна только мысль не дает мне покоя: что делать? Разбивать лагерь или еще проехать? В верховье Енюков я никогда не забирался. Почти все свои капканы я ставлю вдоль тракторной дороги, идущей от Тита в гору и по перевалу. Столько лет прошло, а ее до сих пор хорошо видно, как будто прошли по ней только вчера. Кое-где она, конечно, заросла, но в целом, если на нее встанешь, то не слетишь. А вот в долине реки ее уже не найти – вся заросла ерником, и кочки повывлезли. Это летом, а когда снег лежит – кругом целина. Замерзнуть я не боялся, для непредвиденных случаев у меня в санях припасены палатка, печка, канистра с бензином, топор и бензопила. Но при шквалистом ветре, какой был в тот день, нужно было искать какое-нибудь укрытие прочнее брезентовой палатки.

От нахлынувших воспоминаний его лицо покраснело, на лбу выступили капельки пота. И немудрено: он будто снова проживал те мгновения. Увидав его состояние, Борис попытался переключить его на другое, но тот стал продолжать:

– Значит так, еду я тихонько и прикидываю, что где-то должна дорога пойти к перевалу. И вдруг в темноте сквозь лиственный тонкомер мне показалась, что там впереди стоит какая-то черная стена. Включил я фароискатель и медленно продвигаюсь вперед. В свете прожектора стало видно крышу. Я поворачиваю свой «Буран» – и глазам своим не верю: в густом листвяке стоит старая охотничья избушка. Подъехал ближе, остановился рядом, обошел вокруг – никаких следов и живым не пахнет. Избушка довольно большая и добротная. Зашел внутрь, на меня сразу дыхнуло спертым воздухом, как в гнилом подполье, в котором никогда не бывают. Печка вся ржавая и полусгнившая, а нары и стол целые. Ну, печку я, конечно, поставил свою, напилил дров, протопил избушку – и будто в рай попал. А поутрянке поехал дальше. День выдался морозным, с ярким солнцем и безветренным. Моя душа просто «пела» в предвкушении предстоящей встречи. В общем, все получилось самым лучшим образом: отвез я продукты этому мужику, переночевал, отогрелся, а утром назад. Кстати, отличный мужик оказался, Валерием Николаевичем звали, предлагал почаще приезжать в гости. После того случая мне даже благодарность объявили и дали грамоту, а вот Валерия Николаевича я больше видел. Говорили, что он уехал куда-то на Урал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.